

Таблица 1.7. Группировка сельских поселений России по числу жителей.
По данным переписей²³

	1959	1970	1979	1989	2002
Всего сельских населенных пунктов	294 059	216 845	177 047	152 922	155 290
в т. ч. с числом жителей, человек:					
0	—	—	—	—	13 032
до 10	41 493	25 895	23 855	30 170	34 803
11–50	83 311	62 480	54 638	44 674	37 337
51–100	55 258	37 205	26 328	18 094	14 804
более 100	113 997	91 265	72 226	59 984	55 314

3,0%) и Сибирском (2,2 и 6,1%). В Южном федеральном округе почти 80% сельских населенных пунктов насчитывают более 100 жителей, в Сибири и на Дальнем Востоке — 70%.

Данные переписи 2002 г. о распределении населения по сельским пунктам разной людности пока не опубликованы, и трудно судить более детально о новейших тенденциях сельского расселения. Согласно материалам предыдущих переписей основной закономерностью была концентрация сельского населения в более крупных населенных пунктах.

Опубликованные предварительные и основные итоги переписи 2002 г. позволяют пока делать лишь самые общие выводы о развернувшейся деградации городской и сельской поселенческой инфраструктуры в одних регионах и значительном возрастании демографического давления на социальную инфраструктуру ряда регионов Центра и Юга России.

2. БРАЧНОСТЬ И РОЖДАЕМОСТЬ

2.1. Число регистрируемых браков увеличивается

В 2002 г. показатели регистрируемой брачности продолжали повышаться. Число браков составило 1019,8 тыс. (в том числе 744,8 тыс. первых браков) и повысилось по сравнению с предыдущим годом более чем на 18 тыс.

Динамика абсолютных значений браков в начале нового века изменила направление в сторону увеличения. Напомним, что в 1980-х и 1990-х гг. наблюдалась тенденция устойчивого снижения числа регистрируемых браков, и самое низкое значение показателя за последние полвека отмечалось в 1998 г. — 848,7 тыс., что было на 594 тыс. браков меньше, чем в 1988 г., и на 665 тыс. меньше, чем в 1978 г. (рис. 2.1). При этом снижение происходило на фоне восходящей демографической волны: число женщин и мужчин в основных бракоспособных возрастах увеличивалось (рис. 2.3). Рост числа лиц самых молодых возрастов, 15–19 лет, происходил уже с середины 1980-х гг., а в возрастной группе 20–26 лет — с 1993–1994 гг. Соотношение численности мужчин и женщин с учетом того, что потенциальные женихи, как правило, на несколько лет старше невесты, также можно признать нормальным¹. Однако эти благоприятные структурные изменения не сказывались на динамике брачности.

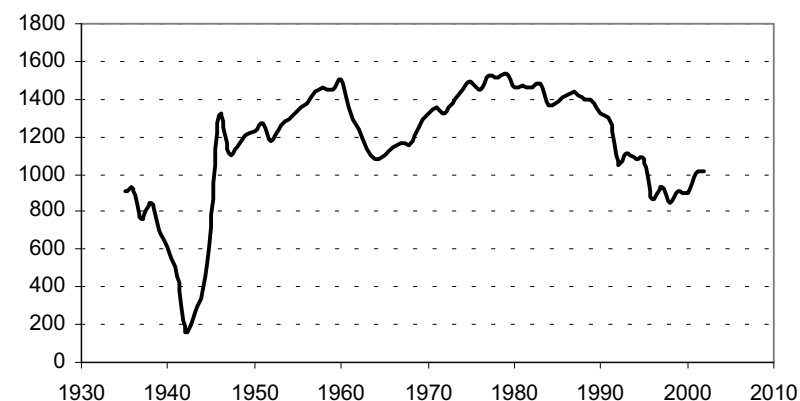

Рис. 2.1. Динамика абсолютных чисел браков. Россия, 1935–2002 гг., тыс.

²³ Российский статистический ежегодник. 2002. М., Госкомстат, 2002; О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года. www.gks.ru.

¹ См.: Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. С. 27.

Изменения российской модели вступления в брак — результат как долгосрочной эволюции брачности в России, так и новейших сдвигов, происходящих в обществе с конца 1980-х гг. Так, под воздействием перемен в нормах социального поведения незарегистрированные сожительства во все большей мере перестают осуждаться общественным мнением, и сегодня воспринимаются как одна из социально приемлемых форм семейной жизни и партнерства. Число таких союзов, по-видимому, быстро увеличивается, вытесняя часть официально зарегистрированных браков. Не исключено, что снижению числа зарегистрированных браков в регионах со значительной долей населения, исповедующего нехристианские религии, способствует расширение практики заключения брака по церковным канонам и обычному традиционному праву, минуя систему гражданской регистрации.

Общий коэффициент брачности в 2002 г. составил 7,14 на 1000 населения, что несколько выше, чем в предыдущем году, и является наибольшим значением за последние шесть лет. Тем не менее отклонения от данной средней величины весьма существенны по регионам. Наиболее низкие значения отмечались в Ингушской Республике (Южный федеральный округ) — 4,3 на 1000 населения, Республике Тыва (Сибирский федеральный округ) — 5,3, Кировской и Пермской областях (Приволжский федеральный округ) — 5,8. Значения, близкие к максимальным, наблюдались в Тюменской области (Уральский федеральный округ) — 9,1, Республике Алтай (Сибирский федеральный округ) — 8,5 и Москве — 8,2 (рис. 2.2).

В начале XXI в. движение демографических волн продолжает формировать благоприятную ситуацию на брачном рынке. Стабильно увеличивается число молодых людей и девушек в возрастных группах 20–29 лет — возрастах наиболее активного брачного поведения (в 2002 г. отмечалось лишь небольшое снижение числа мужчин в возрасте 25–29 лет). Заметно повышается численность возрастной группы до 20 лет, поколений, рожденных в результате стимулирующего эффекта мер демографической политики в СССР в начале 1980-х гг. (рис. 2.3).

В то же время интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет снижается (рис. 2.4). Одной из самых заметных новейших тенденций выступает быстрое сокращение брачности у девушек-подростков до 18 лет. В начале 1990-х гг. стремительный рост показателя в данной когорте вызывал пристальный интерес у специалистов. Перемены, происходившие в обществе, не могли не затронуть нормы брачного поведения, существовавшие до начала процесса трансформации.

Прежняя тенденция к «омоложению» регистрируемой брачности, преобладавшая в середине 1990-х гг., была ответом на изменение отношения в

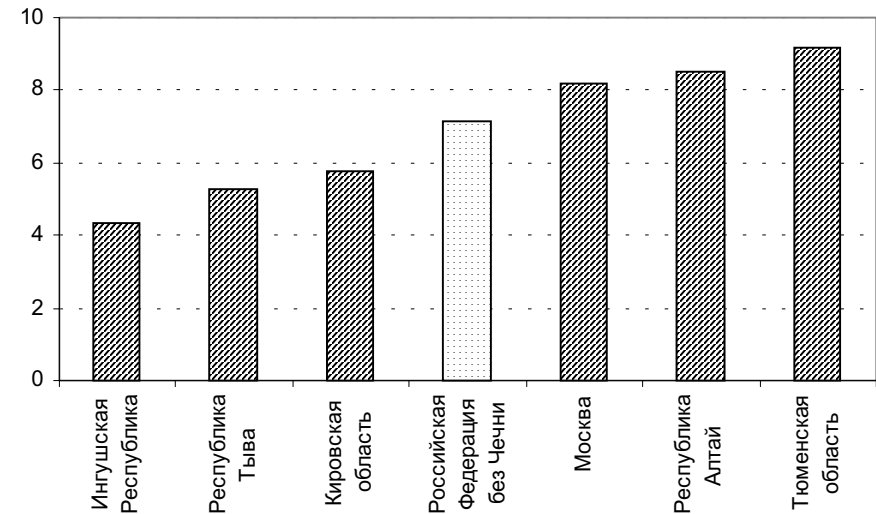

Рис. 2.2. Общий коэффициент брачности в России и некоторых ее регионах, 2002 г., ‰

обществе как к снижению возраста сексуального дебюта, так и к характеру добрачных отношений молодых людей в целом. Исследование, проведенное автором в 1990-е гг., показало, что значительная доля браков в молодые годы была стимулирована добрачным зачатием невесты: она составляла до 50% в возрасте 15–19 лет и была более чем в пять раз выше, чем у матерей в возрасте 27 лет и старше². Сегодня мы наблюдаем интенсивное увеличение внебрачной рождаемости у матерей до 20 лет на фоне снижения регистрируемой брачности в том же возрасте, что свидетельствует, во-первых, о существенном ослаблении влияния указанного фактора на юридическое оформление брака, во-вторых, о все большем распространении незарегистрированных браков и других форм неформальных союзов (как уже отмечалось в начале раздела).

Снижение регистрируемой брачности наблюдается у 18–24-летних (рис. 2.4), то есть в возрасте традиционной для России максимальной брачности: за период 1980–2002 гг. в этой возрастной группе коэффициент брачности сократился у юношей на 46 и у девушек на 37%.

² Население России 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. М., 1998. С. 41.

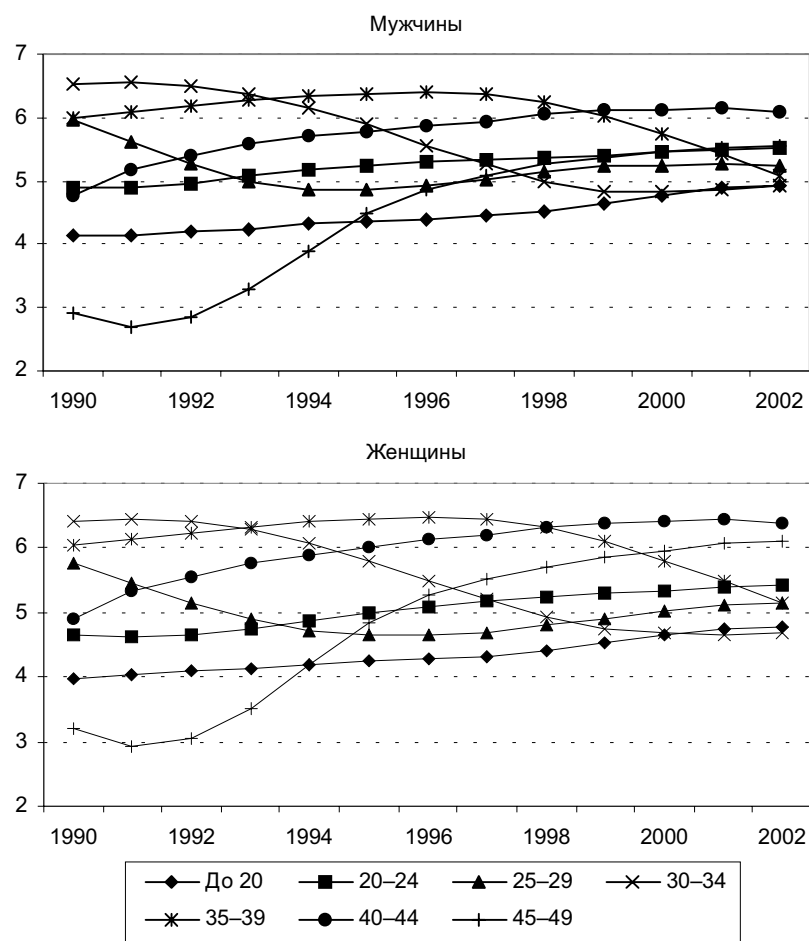

Рис. 2.3. Число мужчин и женщин некоторых возрастных групп, Россия, 1990–2002 гг., млн

Таким образом, прирост числа браков, отмеченный в последние несколько лет, происходит исключительно за счет роста брачности среди лиц старше 25 лет. Так, коэффициент брачности в 2002 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился у мужчин в возрасте 25–34 года с 35 до 37 на 1000, у женщин — с 25,6 до 27,2 на 1000 — это максимальные значения за последние двадцать лет. Изменения в возрастных коэффициентах брач-

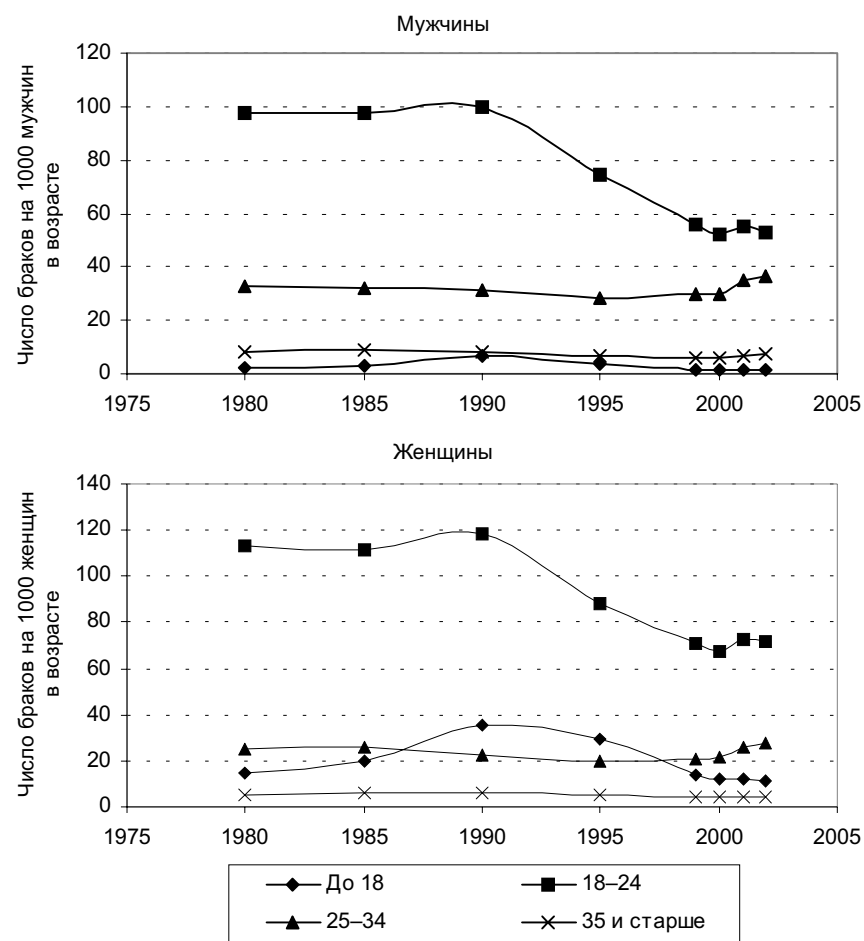

Рис. 2.4. Интенсивность брачности мужчин и женщин в отдельных возрастах, Россия, 1980–2002 гг.

ности сказываются на повышении возраста вступления в зарегистрированный брак в среднем по России. Учитывая, что тенденция к повышению среднего возраста вступления в первый брак стала очевидной в середине 1990-х гг., можно предположить, что мы являемся свидетелями формирования новой модели брачности, отличной от существовавшей в стране практически на протяжении всего XX в.

Таблица 2.1. Средний возраст невесты при регистрации первого брака
(для женщин, заключивших брак в возрасте до 50 лет),
Россия и 24 страны Европы

Страна*	Годы				
	1970	1980	1990	1995	2000
Швеция	23,9	26,0	27,5	28,7	30,2
Норвегия	22,8	23,5	26,2	27,5	28,3
Финляндия	23,3	24,3	26,0	27,0	28,0
Швейцария	24,2	25,0	26,8	27,3	27,9
Франция	22,6	23,0	25,6	26,9	27,9
Нидерланды	22,9	23,2	25,9	27,1	27,8
Испания	...	23,4	25,3	26,8	27,8
Великобритания	22,4	23,0	25,0	26,3	27,2
Австрия	22,9	23,2	24,9	26,1	27,2
Италия	23,9	23,8	25,5	26,6	27,0**
Германия	22,5	22,9	25,2	26,4	27,0
Словения	23,1	22,5	23,7	25,1	26,7
Греция	23,5	23,3	24,6	25,6	26,6**
Бельгия	22,4	22,2	24,2	25,4	26,3
Португалия	24,2	23,2	23,9	24,7	25,3
Хорватия	21,4	22,1	23,1	24,1	25,3
Эстония	23,5	22,6	22,5	23,5	24,8
Венгрия	21,5	21,2	21,9	22,9	24,6
Латвия	23,6	22,8	22,3	22,9	24,5
Чехия	21,6	21,5	21,6	22,7	24,5
Болгария	21,4	21,3	21,4	22,6	24,1
Словакия	22,0	21,9	21,9	22,6	24,0
Румыния	21,9	21,5	22,0	22,7	23,4
Польша	22,8	22,7	22,6	23,1	23,9
Россия	23,2	22,4	21,9	22,0	22,6***

* Страны указаны в порядке убывания показателя в 2000 г.

** 1999 г.

*** Оценка С. В. Захарова.

Источники: Recent demographic developments in Europe. 2002. Council of Europe. Strasbourg, 2002; Население России 2001. С. 29.

Новейшие тенденции трансформации российской возрастной модели брачности не выглядят исключением на фоне других стран. Возраст заключения брака повышается во всех развитых странах в течение последних одного-двух десятилетий. В Швеции, например, средний возраст невесты, вступающей в первый брак, уже достиг 30 лет, в большинстве стран запада и юга Европы — 26–28 лет. Россия же пока выделяется очень низким средним возрастом невесты — около 23 лет — на фоне не только стран Запада, но и некоторых стран Восточной Европы. Заметим, что еще 30 и даже 20 лет назад — в 1970-х – начале 1980-х гг. — различия в возра-

сте вступления в брак между Россией и большинством других развитых стран были малозначимыми.

2.2. Число разводов угрожающе растет, а повторных браков — не увеличивается

На фоне повышения брачности в 2002 г. до рекордно высокого уровня (853,6 тыс.) выросло абсолютное число разводов (рис. 2.5). Краткий период снижения числа разводов, отмеченный в 1995–1998 гг., вновь сменился периодом его роста. При этом ежегодный абсолютный рост числа разводов в 2000–2002 гг. носил скачкообразный характер и был сопоставим и в абсолютном, и в относительном измерении с ростом, который наблюдался после изменения законодательства в 1965–1966 гг. В те годы упрощение процедуры разводов спровоцировало лавину бракоразводных процессов, в первую очередь за счет оформления распада тех союзов, которые уже давно фактически не существовали, но без соответствующего юридического подтверждения.

Сегодня ситуация иная — в последние годы не было принципиальных изменений в законодательстве, касающихся заключения и расторжения брака, способных вызвать столь мощную волну разводов. Между тем в 2002 г. было расторгнуто 854 тыс. браков, что на 90 тыс. больше, чем в 2001, на 226 тыс. больше, чем в 1999 и на 246 тыс. больше, чем в среднем годовом исчислении за 1988–1997 гг.

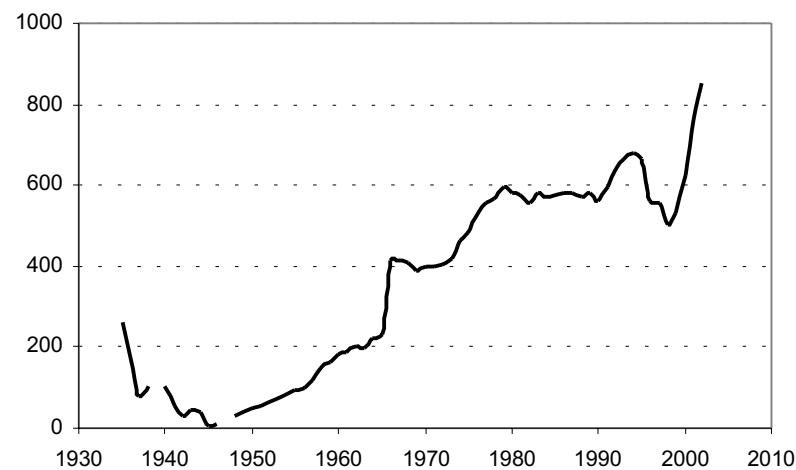

Рис. 2.5. Число разводов, Россия, 1935–2002 гг., тыс.

Характер динамики разводов за последние два десятилетия (относительная стабильность до 1992 г., скачок в 1992–1995 гг., спад в 1995–1999 гг., новый скачок с 2000 г.) вызывает много вопросов. В какой мере она свидетельствует о действительном изменении вероятности распада брачных союзов под воздействием привходящих обстоятельств, а в какой — о скрытых изменениях в регистрационной практике, также носящих непоследовательный характер? Пока ответа на эти вопросы нет, причины сильных конъюнктурных колебаний показателей разводимости остаются непонятными.

В соответствии с ростом абсолютного числа разводов изменился и общий коэффициент разводимости (число разводов на 1000 среднегодового населения). В 2002 году он практически достиг 6 на 1000, то есть вышел на рекордную отметку за всю историю России. Даже в 1966 г., когда отмечался скачкообразный абсолютный прирост разводов, общий коэффициент лишь немного превысил 3 на 1000.

Максимальные величины коэффициента разводимости были отмечены в Дальневосточном федеральном округе: в Магаданской области он превысил общероссийский уровень более чем на 40% и был равен 10,3 на тысячу, в Чукотском автономном округе — 9,4, в Камчатской области — 8,4. В ряде районов Уральского, Приволжского и Северо-Западного федеральных округов показатель был выше 7 (Тюменская, Челябинская, Нижегородская, Мурманская области, а также Санкт-Петербург). Наименьшее число разводов в расчете на 1000 населения наблюдалось в ряде национальных республик: в Ингушской Республике — 0,5, Республике Дагестан — 1,7, Республике Тыва — 2,0.

В ряде регионов число разводов достигло числа браков и даже превысило его. К регионам, где число разводов в 2002 г. превышало число браков, заключенных в том же году, относятся Магаданская область (143 развода на 100 браков), Чукотский автономный округ (131), Нижегородская область (115), Челябинская область (110), Хабаровский край (104), Камчатская область (104), Ленинградская область (102).

Рост числа разводов сопровождается изменениями в возрастной модели расторжения браков. Если в начале 1990-х гг. общий рост разводимости был вызван высокой интенсивностью расторжения браков в молодых возрастах, что, в свою очередь, было следствием «омоложения» брачности в этот период, то современная ситуация определяется ростом разводов в зрелых возрастах. С 1999 г. заметно увеличились значения возрастных показателей разводимости в группах 25–39 лет и 40 лет и старше. В то же время в группе моложе 25 лет отмечается стабилизация показателя на одном из самых низких за последние 12 лет уровней (рис. 2.6).

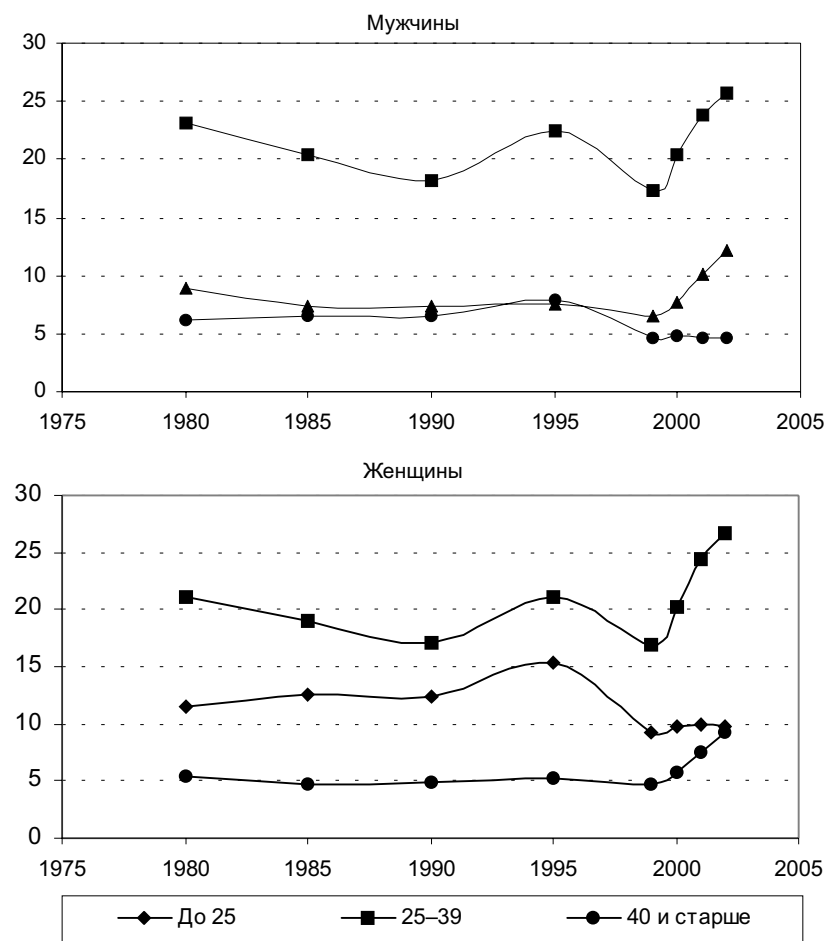

Рис. 2.6. Интенсивность разводов в отдельных возрастных группах на 1000 лиц соответствующего пола, Россия, 1980–2002 гг.

Как отмечалось в предыдущих докладах, анализ разводимости по данным официальной статистики сильно затруднен, поскольку с 1996 г. прекращено статистическое наблюдение за рядом важнейших характеристик, касающихся этого процесса. Так, невозможно проанализировать среднюю длительность брака при разводе, а также повозрастные различия процесса по более дробным возрастным группировкам, чем представленные на нашем

Таблица 2.2. Число зарегистрированных браков и доля повторных браков в общем числе браков, Россия, 1990–2002 гг.

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1990	1319,93	985,26	994,35	334,67	325,58	25,4	24,7
1991	1277,23	948,60	954,54	328,63	322,69	25,7	25,3
1992	1053,72	773,15	782,98	280,57	270,73	26,6	25,7
1993	1106,72	817,45	825,60	289,27	281,13	26,1	25,4
1994	1080,60	789,19	793,17	291,41	287,43	27,0	26,6
1995	1075,22	775,95	780,12	299,27	295,10	27,8	27,5
1996	866,65	620,59	626,16	246,07	240,49	28,4	27,8
1997	928,41	663,70	671,97	264,72	256,45	28,5	27,6
1998	848,69	610,97	620,59	237,73	228,10	28,0	26,8
1999	911,16	660,80	671,51	250,36	239,66	27,5	26,3
2000	897,33	650,20	661,20	247,10	236,10	27,5	26,3
2001	1001,59	726,40	734,00	275,10	267,60	27,5	26,7
2002	1019,76	744,80	754,96	274,00	264,80	27,0	26,0

Таблица 2.3. Число разводов и детей в расторгаемых браках, Россия, 1988–2002 гг.

Год	Всего разводов, тыс.	Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
			всего	в семьях с детьми
1988	573,8	465,1	0,81	1,33
1989	582,5	479,1	0,82	1,33
1990	559,9	466,1	0,83	1,35
1991	597,9	522,2	0,87	1,36
1992	639,2	569,1	0,89	1,37
1993	663,3	593,8	0,90	1,37
1994	680,5	613,4	0,90	1,36
1995	665,9	588,1	0,88	1,35
1996	562,4	463,5	0,82	1,33
1997	555,2	454,5	0,82	1,29
1998	501,7	389,7	0,77	1,26
1999	532,5	...	0,67*	1,24
2000	627,7	...	0,71*	1,21*
2001	763,5	...	0,73*	1,21*
2002	853,6	...	0,70*	1,20*

* Расчет только по совокупности территорий, представивших в Госкомстат соответствующие данные (в 2002 г. — 46 субъектов Федерации, в которых было зарегистрировано 63% от общего числа разводов в стране).

Примечание. Оценки показателя среднего числа детей на один развод за 2000 и 2001 гг. исправлены по сравнению с опубликованными ранее (Население России 2001. С. 33).

графике. Соответственно, мы не можем ответить, к примеру, на такой принципиальный вопрос: в какой мере последний всплеск разводимости затронул браки «молодые», короткой длительности, а в какой он связан с ростом риска развода для браков «со стажем»? Если добавить к этому, что нет никакой информации о фактическом распаде брачных союзов, не прошедших регистрацию в органах ЗАГС (даже выборочные обследования, способные пролить свет на этот процесс, в России не проводятся), то чтобы судить о стабильности российской семьи, ее динамике в последние годы, мы не имеем прочных оснований. Тем не менее на основе отмеченных выше тенденций повышения разводимости в старших возрастах можно предположить, что рост разводимости в последние несколько лет охватил браки с достаточно большим стажем и средняя длительность брака при разводе увеличивается. Причины новой для России тенденции настоятельно требуют проведения специальных социологических обследований.

Другой важной тенденцией является постепенное уменьшение числа детей, затронутых расторжением браков их родителей. В 2002 г. среднее число детей на один развод, по нашей оценке, составило 0,70, что на 22% меньше по сравнению с 1994 г. Среди распавшихся семей с совместными детьми до 18 лет среднее число детей также снизилось и составило 1,2 ребенка. В какой-то мере за этим стоит общее снижение рождаемости, наблюдавшееся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В то же время можно предполагать, что рост регистрируемых разводов происходит сейчас в основном за счет бездетных супружеских пар³.

Высоким показателям разводимости противостоит некоторое снижение числа повторных браков. Предыдущий рост разводимости в 1991–1994 гг. сопровождался значительным увеличением доли повторных браков, которые играли тогда заметную компенсирующую роль. Теперь же, когда количество разводов достигло максимальных абсолютных и относительных значений, напротив, наблюдается тенденция к снижению доли повторных браков в общем числе заключенных браков. По сравнению с 1996 г. (когда отмечалось наиболее высокое значение показателя) она снизилась у мужчин на 1,4 процентных пункта, у женщин — на 1,8 пункта и составила 27 и 26% соответственно. Свидетельствует ли это об ослаблении компенсирующей роли повторных браков? По-видимому, только если говорить о тех из них, которые официально регистрируются. Учитывая же, что повторные союзы зачастую не регистрируются, можно предположить, что они продолжают компенсировать разводы и, вполне возможно, в неснижающейся пропорции.

³ См. также: Население России 2001. С. 32.

2.3. Рост числа рождений все в большей мере определяется ростом возрастных коэффициентов рождаемости

Увеличение числа рождений в России в 2002 г. и, по предварительным данным, в 2003 г., продолжило восходящую тенденцию, наблюдаемую с 2000 г. По сравнению с минимальным показателем, достигнутым в 1999 г., их ежегодное число возросло на 182,3 тыс. Соответственно увеличился и общий коэффициент рождаемости — с 8,3 на 1000 населения в 1999 г. до 9,8 в 2002.

В какой-то мере росту числа рождений способствует увеличение числа женщин основного детородного возраста, в первую очередь в возрасте до 30 лет. Однако, как показывают расчеты, влияние фактора структуры населения на рост числа рождений не существенно.

Улучшение (с точки зрения рождаемости) возрастной структуры населения имело место в России во второй половине 1990-х гг. Но его позитивная роль оказалась в то время меньшей, чем негативная роль снижения возрастной интенсивности рождений. Когда же позитивное влияние роста числа потенциальных родителей было усилено ростом возрастных коэффициентов рождаемости, то ежегодное число рождений стало статистически значимо увеличиваться. В 2002 г. общий прирост числа рождений оказался наибольшим — 85,4 тыс., и практически весь этот прирост был обеспечен позитивным вкладом не структурного фактора, а повышением собственно рождаемости (табл. 2.4).

2.4. Итоговая рождаемость увеличивается, а средняя очередность рождения остается стабильной

Показатель, не зависящий от возрастной структуры населения, — коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения) — также свидетельствует о том, что в России происходит увеличение интенсивности деторождения, причем ведущую роль в этом процессе играет городское население, хотя и в сельском населении после трехлетней стагнации, по-видимому, началось некоторое оживление рождаемости (табл. 2.5).

Несмотря на некоторый рост показателя итоговой рождаемости для условных поколений, по его нынешнему уровню — 1,32 в 2002 г. — Россия остается среди стран с самым низким его значением. Она стоит в ряду таких стран, как Украина — 1,09, Чехия — 1,14, Италия — 1,23, Латвия — 1,24, Испания — 1,24, Словения — 1,26, Болгария — 1,26, Литва — 1,27, Словакия — 1,29, Греция — 1,29, Эстония — 1,30, Румыния — 1,31, Венг-

Таблица 2.4. Число рождений и компоненты его изменения, Россия, 1989–2002 гг., тыс.

Год	Число рождений	Изменение за год	В том числе за счет изменения*	
			половозрастной структуры населения	возрастной интенсивности деторождения
1989	2160,6	—	—	—
1990	1988,9	-171,7	-30,3	-141,4
1991	1794,6	-194,2	-21,3	-172,9
1992	1587,6	-207,0	-12,7	-194,3
1993	1379,0	-208,7	-5,2	-203,5
1994	1408,2	+29,2	+3,3	+25,9
1995	1363,8	-44,4	+5,8	-50,2
1996	1304,6	-59,2	+4,6	-63,8
1997	1259,9	-44,7	+4,9	-49,6
1998	1283,3	+23,3	+6,4	+16,9
1999	1214,7	-68,6	+7,2	-75,8
2000	1266,8	+52,1	+9,8	+42,3
2001	1311,6	+44,8	+15,5	+29,3
2002	1397,0	+85,4	+1,9	+83,5

* Индексное разложение годового прироста.

Таблица 2.5. Итоговая (суммарная) рождаемость, Россия, 1980, 1990–2002 гг.

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1980	1,89	1,70	2,51
1990	1,89	1,70	2,53
1991	1,73	1,54	2,38
1992	1,55	1,36	2,18
1993	1,39	1,21	1,94
1994	1,40	1,25	1,89
1995	1,34	1,21	1,79
1996	1,28	1,16	1,68
1997	1,23	1,12	1,59
1998	1,24	1,13	1,58
1999	1,17	1,07	1,48
2000	1,21	1,13	1,49
2001	1,25	1,17	1,48
2002	1,32	1,25	1,52

рия — 1,32, Австрия — 1,34, Польша — 1,34, Германия — 1,36, Хорватия — 1,36, Япония — 1,41. А вот, например, во Франции и у белого населения США положение существенно лучше — соответственно 1,9 и 2,1 (все данные за 2000 г.).

Важнейший вопрос: за счет каких детей по порядку рождения их у матери происходит текущее увеличение рождаемости в России? К сожалению,

после 1998 г. центральные статистические органы потеряли возможность разрабатывать данные по очередности рождения ввиду того, что новый Закон об актах гражданского состояния (фактически вступивший в действие в 1999 г.) ликвидировал запись о порядковом номере рождения у матери в исходном для статистики документе — акте о рождении. Тем не менее многие местные статистические органы, к счастью, продолжают на добровольной основе собирать соответствующую информацию. Охват российских территорий такой инициативой оказывается достаточно высоким (на них живут более 60% от общего числа родившихся в стране), и можно попытаться распространить эти неполные данные на всю Россию и выполнить соответствующие расчеты.

В таблице 2.6 представлены конечные результаты таких расчетов. Обращает на себя внимание, что с середины 1990-х гг. расчетная величина средней очередности рождения практически не меняется. Снизившись на 0,1–0,2, она на протяжении всех последующих лет колеблется вблизи значения 1,6 (в 1980 и 1990 гг. этот показатель соответственно равнялся 1,75 и 1,72).

В условиях плавных изменений режима рождаемости от поколения к поколению показатель средней очередности рождения (COP) должен быть близким по величине к итоговой (суммарной) рождаемости (КСР)⁴. Однако в современных условиях России мы имеем существенное расхождение между этими показателями (ср. табл. 2.5 и 2.6). С начала 1990-х гг. и особенно заметно в 1999 г. КСР все более отличался от COP в меньшую сторону (соответственно 1,17 и 1,60). Единственное объяснение этому — существенное изменение «календаря» рождений, которому следуют семьи, или, что то же самое, изменение средних темпов формирования окончательного размера потомства в реальных поколениях.

На протяжении 1990-х гг. уровень рождаемости, безусловно, снизился, но не настолько сильно, насколько это показывал коэффициент суммарной рождаемости — конъюнктурный показатель для условных поколений. Структура этого показателя по очередности рождения менялась не столь уж существенно, особенно во второй половине 1990-х гг. Начав рожать, женщины производили на свет в среднем примерно одно и то же число детей. Понижающее влияние на величину КСР оказывало постарение возра-

⁴ Анализ динамики соотношения этих показателей за 1980-е гг., в период введения в действие мер семейной политики, рассматривался в одном из предыдущих докладов (см.: Население России 1998. Шестой ежегодный демографический доклад. М., 1999. С. 38–40).

Таблица 2.6. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость, % и средняя очередность рождения, Россия, 1980, 1990–2002 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередность рождения**
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие		
1980	51,8	34,5	7,9	2,5	3,3	100,0	1,75
1990	52,5	33,0	9,4	2,7	2,4	100,0	1,72
1991	55,0	31,1	8,9	2,7	2,3	100,0	1,68
1992	57,6	29,6	8,1	2,6	2,1	100,0	1,64
1993	59,8	28,9	7,3	2,2	1,8	100,0	1,59
1994	61,4	28,0	7,0	2,0	1,6	100,0	1,56
1995	60,0	29,0	7,3	2,1	1,6	100,0	1,58
1996	59,4	29,4	7,4	2,2	1,6	100,0	1,59
1997	58,2	30,1	7,7	2,3	1,7	100,0	1,61
1998	58,2	30,1	7,7	2,3	1,7	100,0	1,61
1999*	58,5	29,8	7,7	2,3	1,7	100,0	1,60
2000*	58,7	29,9	7,7	2,2	1,5	100,0	1,59
2001*	58,9	30,1	7,4	2,2	1,4	100,0	1,59
2002*	58,0	30,7	7,7	2,2	1,4	100,0	1,60

Источник: Расчеты С. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для однопольных возрастных групп.

* Оценки, базирующиеся на использовании неполных данных, — только для тех территорий, которые сохранили разработку данных о рождениях одновременно по возрасту и очередности рождения. В 1999 г. распределенные рождения по возрасту и очередности составляли 75% всех рождений в России, в 2000 — 66,2, в 2001 — 72,8, в 2002 — 63,3%. Опираясь на неполные данные, Е. Андреев получил оценочные распределения всех родившихся в России по возрасту матери и очередности рождения за 1999–2002 гг., которые и использовались в этой таблице.

** Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взята суммарная рождаемость для каждой очередности.

стного профиля рождаемости из-за того, что детьми, в первую очередь первенцами, поколения, родившиеся после 1970 г., стали обзаводиться в более позднем возрасте.

Начиная с 2000 г. коэффициент суммарной рождаемости, увеличиваясь, постепенно сближается со средней очередностью рождения, которая, по видимому, более точно отражает изменения рождаемости в реальных поколениях. Дальнейшее повышение коэффициента суммарной рождаемости в России до уровня 1,6 ребенка в расчете на одну женщину более чем вероятно, поскольку в этом случае он придет в непротиворечивое соответствие со средней очередностью рождения. Если это произойдет в ближайшие 5 лет или даже раньше, то Россия по уровню рождаемости займет место, близкое к среднему для развитых стран мира.

2.5. Трансформация возрастной модели рождаемости продолжается

Изменения в уровне рождаемости в последние 10–15 лет идут параллельно значительной трансформации возрастной модели массового репродуктивного поведения. Меняется репродуктивная роль различных возрастных групп женщин, их вклад в общую рождаемость. В значительной степени падение уровня рождаемости в 1990-е гг. отчасти связано с этой перестройкой.

Снижение рождаемости было особенно затяжным у молодых женщин — до 25 лет. У женщин старше этого возраста оно прекратилось уже в 1994–1995 гг., а в группе от 25 до 35 лет даже сменилось некоторым ростом. Именно матери в возрасте старше 25 лет и обеспечили увеличение рождаемости в последние три года (табл. 2.7). Правда, рождаемость молодых матерей также слегка увеличилась в 2001–2002 гг. Сегодня нельзя с уверенностью сказать, окажется ли устойчивой тенденция роста рождаемости у молодых женщин. В то же время нет оснований ожидать, что в будущем вклад самых молодых матерей станет вновь определяющим для динамики итоговой рождаемости, как это было несколько десятилетий назад.

Разнонаправленные изменения коэффициентов рождаемости в молодых и более зрелых возрастах (снижение для первых и рост для вторых),

Таблица 2.7. **Возрастные коэффициенты рождаемости, Россия, 1980, 1990–2002 гг.**

Годы	Возрастные группы						
	15–19*	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49**
1980	43,7	157,8	100,8	52,0	17,4	4,9	0,4
1990	55,6	156,8	93,2	48,2	19,4	4,2	0,2
1991	54,9	146,6	83,0	41,6	16,5	3,7	0,2
1992	51,4	134,0	72,7	35,0	13,9	3,2	0,2
1993	47,9	120,4	65,0	29,6	11,4	2,6	0,2
1994	49,9	120,3	67,2	29,6	10,6	2,3	0,1
1995	45,6	113,5	67,2	29,7	10,7	2,2	0,1
1996	39,7	106,4	66,5	30,3	10,8	2,3	0,1
1997	36,2	99,0	66,2	31,5	10,8	2,2	0,1
1998	34,0	99,0	68,0	33,4	11,5	2,3	0,1
1999	29,5	93,1	65,2	32,8	11,3	2,2	0,1
2000	28,1	95,3	68,7	36,0	12,0	2,4	0,1
2001	28,1	95,4	71,5	39,2	13,1	2,4	0,1
2002	28,4	98,8	76,5	43,2	14,9	2,6	0,1
2002/1999	0,96	1,06	1,17	1,32	1,32	1,18	1,00

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

наблюдаемые с середины 1990-х гг., привели к тому, что средний возраст матери при рождении ребенка каждой очередности в России увеличивается. В последние годы для детей первых четырех порядков он уже стал выше, чем 20 лет назад (табл. 2.8).

Вклад молодых матерей (до 25 лет) в величину итоговой рождаемости снижается во всех развитых странах, несмотря на ее уровень в той или иной стране. Соответственно, повсеместно повышается и средний возраст женщины при рождении ребенка. Тенденция трансформации возрастной модели рождаемости в сторону «постарения» (второй демографический переход) — ведущая во всех промышленно развитых странах, не исключая и страны Восточной и Центральной Европы, где этот процесс обозначился

Таблица 2.8. **Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1979–2002 гг.**

Год	Рождения					
	Все	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
1979	25,79	23,03	27,41	30,14	32,02	35,61
1980	25,67	22,99	27,32	30,07	31,81	35,49
1981	25,74	23,01	27,30	30,01	31,73	35,45
1982	25,81	23,00	27,26	30,08	31,72	35,10
1983	25,92	22,96	27,29	30,12	31,65	34,90
1984	25,80	22,92	27,20	30,10	31,56	34,71
1985	25,78	22,92	27,13	30,04	31,53	34,56
1986	25,98	22,96	27,21	30,24	31,70	34,55
1987	25,98	22,93	27,23	30,32	31,85	34,55
1988	25,81	22,90	27,13	30,26	31,78	34,45
1989	25,52	22,79	26,98	30,10	31,64	34,45
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1991	25,03	22,60	26,72	29,81	31,52	34,35
1992	24,86	22,60	26,63	29,74	31,51	34,47
1993	24,66	22,56	26,62	29,68	31,49	34,34
1994	24,48	22,43	26,59	29,71	31,65	34,48
1995	24,80	22,67	26,90	29,83	31,54	34,28
1996	25,04	22,88	27,10	30,10	31,76	34,33
1997	25,23	22,97	27,29	30,25	31,89	34,29
1998	25,41	23,12	27,53	30,46	32,11	34,41
1999*	25,57	23,29	27,70	30,67	32,27	34,50
2000*	25,76	23,53	27,88	30,87	32,47	34,54
2001*	25,92	23,65	28,21	31,12	32,58	34,50
2002*	26,10	23,73	28,41	31,25	32,74	34,72

Источник: Расчеты С. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для одноплетных возрастных групп.

* Оценки базируются на использовании неполных данных (см. примеч. к табл. 2.6).

Таблица 2.9. Некоторые характеристики рождаемости и первого брака в 41 развитой стране мира, 2000 г. или последние имеющиеся данные

Страна ¹	Год	Рождаемость у матерей до 20 лет, на 1000	КСР ²	Вклад матерей до 25 лет в КСР, %	Средний возраст матери при рождении		Средний возраст невесты при регистрации первого брака ³
					всех детей	первого ребенка	
Испания	1999	8,4	1,20	13,8	30,7	29,0	27,7
Нидерланды	2000	7,2	1,72	14,1	30,3	28,6	27,8
Италия	2000	7,0	1,24	16,2	30,3	28,7	27,0
Япония	2000	5,4	1,37	16,5	29,7	>28 ⁵	27,0
Дания	2000	7,8	1,77	16,8	29,7	27,8	29,5
Швеция	2000	7,0	1,54	17,5	29,9	27,9	30,2
Швейцария	2000	6,0	1,50	17,5	29,8	28,7 ⁴	27,9
Ирландия	2000	19,0	1,89	18,0	30,6	27,8	28,9
Франция	1999	10,0	1,79	19,7	29,3	28,7 ⁴	27,8
Финляндия	2000	10,2	1,73	20,3	29,6	27,4	28,0
Австралия	2000	17,4	1,75	21,1	29,6	27,1	27,6
Норвегия	2000	11,6	1,85	21,2	29,3	26,9	28,9
Бельгия	1995	9,2	1,55	22,6	28,5	27,4 ⁴	26,1 ⁶
Греция	1999	11,2	1,28	24,2	28,9	27,3	26,6
ФРГ (западные земли)	1999	13,0	1,41	25,0	28,9	28,0 ⁴	27,3
Словения	2000	7,2	1,26	26,0	28,2	26,5	26,7
Новая Зеландия	2000	28,6	2,01	26,6	29,0	...	28,1
Канада	1997	20,2	1,55	27,1	28,5	26,9	28,0
Португалия	2000	22,0	1,50	27,5	28,7	26,4	25,2
Австрия	2000	13,4	1,34	29,3	28,2	26,3	27,2
Великобритания	2000	29,0	1,65	29,8	28,5	29,1	27,5
ФРГ (восточные земли)	1999	12,8	1,15	31,3	27,5	27,6 ⁴	26,5
Хорватия	2000	15,6	1,39	35,0	27,7	25,5	25,3
Чехия	2000	13,0	1,14	35,1	27,2	24,9	24,5
Венгрия	2000	23,8	1,32	35,2	27,3	25,1	24,6
Польша	2000	17,2	1,34	36,9	27,4	24,5	23,9
США	2000	48,5	2,13	38,0	27,4	25,4	26,0
Югославия	1999	24,8	1,62	39,5	27,1	25,0	24,5
Латвия	2000	19,2	1,24	39,5	27,2	24,4	24,5
Эстония	2000	26,4	1,39	40,6	27,0	24,0	24,8
Словакия	2000	24,0	1,29	41,9	26,6	24,2	24,0
Литва	2000	24,4	1,27	44,0	26,7	23,8	23,5
Азербайджан	2000	30,4	1,71	47,3	26,4	24,7	23,7
Румыния	2000	38,6	1,31	49,2	25,7	23,6	23,4
Россия	2000	28,1	1,21	50,9	25,8	23,2	22,8
Грузия	2000	38,6	1,35	51,5	25,8	24,2	24,6
Белоруссия	2000	28,2	1,31	52,4	25,6	23,4	22,6
Болгария	2000	46,8	1,26	54,2	25,0	23,5	24,1
Молдавия	2000	...	1,30	...	25,4	...	...
Украина	2000	32,1	1,09	57,3	25,1	22,9	21,4
Армения	2000	29,0	1,11	59,2	25,0	23,0	23,1

Примечания: 1. Страны указаны в порядке уменьшения вклада матерей в возрасте до 25 лет в КСР. 2. КСР — коэффициент суммарной рождаемости (итоговая рождаемость условного поколения), число детей на одну женщину. 3. Для женщин, заключивших первый брак в возрасте до 50 лет. 4. Первые рождения для женщины в текущем браке, во всех остальных случаях — первые рождения в соответствии с биологическим порядком родов. 5. В 1997 г. показатель в Японии составлял 27,9 года. 6. Данные 1999 г.

Источники: Recent demographic developments in Europe. 1998–2001. Council of Europe. Strasbourg; Statistical Abstract of the United States 2002. U.S. Department of Commerce. Washington D.C.; USA Today. 03.06.2002; Statistics Canada (www.statcan.ca/english/); Demographic Trends 2001. Statistics New Zealand. Wellington; Year Book Australia 2002. Australian Bureau of Statistics. Marriages and divorces (www.abs.gov.au/ausstats/); Japan Statistical Yearbook 2003 (www.stat.go.jp/english/data/); Selected Demographic Indicators for Japan (www.ipss.go.jp/english/S_D_I/); а также расчеты С. Захарова на основе указанных источников; для России — расчеты С. Захарова (см.: Население России 2001. С. 29, 38, 40, 42; Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М., 2000. С. 54–55).

на одно-два десятилетия позже, чем в большинстве западных стран. В 60-е–70-е гг. рождаемость во всех странах «молодела», однако примерно с середины 1970-х гг. на Западе обозначилась новая тенденция, и средний возраст матери, который до этого снижался, начал увеличиваться.

Возраст вступления в брак, возраст рождения первого и последующих детей существенно различаются по странам, но продолжают увеличиваться во всем развитом мире. Эта тенденция, хотя и с некоторым замедлением, сохраняется даже в странах, далеко продвинувшихся по пути второго демографического перехода. За несколько десятилетий средний возраст вступления в зарегистрированный брак и возраст рождения первенца увеличились в западных странах на 3–4 года, превысив для женщины 26, а более чем в десятке стран и 27 лет, причем нередко регистрация брака следует за рождением ребенка, а не наоборот. Если к началу процесса эволюции возрастной модели рождаемости вклад матерей до 25 лет в итоговые показатели рождаемости в разных странах варьировал в пределах 40–60%, то сегодня в 11 странах он уже составлял 21–30%, а в 10 странах — 20% и менее (табл. 2.9).

Но в Центральной и Восточной Европе, и особенно в странах бывшего СССР, возраст материнства еще долго продолжал снижаться, хотя постепенно одна страна за другой, начиная с «социалистических» стран Центральной Европы, стали переходить к более позднему материнству. К середине 1990-х гг. перемены докатились и до стран Балтии, России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Румынии, Болгарии.

Возможно, катализатором отхода от модели раннего формирования семьи в странах «восточнее Берлинской стены» послужили политические и экономические реформы, начавшиеся в конце 80-х гг., но в любом случае

речь идет о тенденции, характерной для всех европейских стран. Меняя возрастную модель своего прокреативного поведения, россиянки сейчас просто повторяют путь, который француженки, немки, итальянки или испанки проделали 15–20 лет назад.

Впечатляет, с какой скоростью меняется модель брака и рождаемости в восточных землях Германии, в Чехии, Венгрии, Эстонии, Латвии. Да и в России изменения происходят достаточно быстро. И все же по темпам изменения возрастной модели рождаемости Россия пока отстает от своих соседей в Центральной и Восточной Европе, за исключением Белоруссии, Украины, Молдавии и Болгарии. Средний возраст материнства в 2000 г. в России составил 25,8 года, в 2001 — 25,9 года, в 2002 — 26,1 года, в то время как при близком уровне итоговой рождаемости в Словакии, например, в 2000 г. он составил 26,6 года, в Чехии, Венгрии, Латвии — более 27 лет, в Словении — более 28 (табл. 2.9). Вклад в общую рождаемость молодых матерей (до 25 лет) в России все еще остается очень высоким (50%) — из 41 представленной в таблице развитых стран она находится на 35-м месте.

Обнаружить какую-либо связь между общим уровнем и степенью «постарения» возрастного профиля рождаемости очень трудно. Например, вклад женщин до 25 лет в общий уровень рождаемости в Нидерландах и Испании самый низкий в мире и примерно одинаков (14%), средний возраст женщины при вступлении в первый брак и при рождении первенца также очень близок, однако итоговая (суммарная) рождаемость в этих странах различается существенно (в Нидерландах — 1,72, в Испании — 1,20).

Трансформация возрастной модели рождаемости в городском населении происходит опережающими темпами по сравнению с сельскими жителями России. Можно предположить, что адаптивная рационализация демографического поведения под влиянием изменившейся социальной реальности для горожан более очевидна. К тому же российское «село» по сравнению с городами менее однородно по многим социальным признакам. В частности, в общей совокупности сельского населения остается существенной доля этнодемографических групп, сохраняющих остаточные черты традиционных норм поведения: более ранний и обязательный брак, более высокие нормы детности, меньшая распространенность современных средств и методов планирования семьи, позволяющих откладывать рождение ребенка, и т. п.

Перспективы дальнейшей трансформации российской модели рождаемости можно предсказать, обратившись к примеру крупнейших городов, и в частности к примеру Москвы, которая, несомненно, находится в авангарде этого процесса.

Таблица 2.10. Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость, Россия, 1980, 1990, 2000–2002 гг., %

Год	Возраст матери, лет					Итого
	до 20	20–24	25–29	30–34	35 и старше	
Все население						
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1990	14,7	41,5	24,7	12,8	6,2	100,0
2000	11,6	39,3	28,3	14,8	6,0	100,0
2001	11,2	38,2	28,6	15,7	6,3	100,0
2002	10,7	37,4	28,9	16,3	6,7	100,0
Городское население						
1980	11,7	41,5	27,5	14,1	5,2	100,0
1990	14,1	41,6	25,3	13,0	6,0	100,0
2000	10,7	39,3	28,8	15,3	5,9	100,0
2001	10,4	38,1	29,2	16,1	6,2	100,0
2002	10,0	37,1	29,6	16,7	6,6	100,0
Сельское население						
1980	10,9	43,1	25,1	13,4	7,5	100,0
1990	16,5	41,1	23,0	12,3	7,2	100,0
2000	13,1	39,4	27,5	13,8	6,2	100,0
2001	12,8	38,5	27,5	14,7	6,5	100,0
2002	12,1	38,0	27,4	15,6	6,9	100,0

Если отвлечься от проблем, связанных с точностью оценки численности населения, и других демографических показателей для гигантского столичного мегаполиса, испытывающего мощное миграционное давление, то вырисовывается весьма показательная картина.

К началу 1990-х гг. Москва сохраняла тот же уровень и ту же возрастную кривую рождаемости, что и десять, и двадцать лет назад (табл. 2.11). Более того, при существенно более низком уровне, чем в среднем по России, Москва имела тот же возрастной профиль рождаемости, что и все население страны (рис. 2.7 и 2.8). В Москве, как и во всей стране, люди одинаково рано вступали в брак и быстро завершали формирование семьи.

После падения общего уровня и достижения исторического минимума рождаемости во всех возрастных группах в 1993 г. в Москве началась последовательная трансформация возрастной модели в сторону «постарения» — коэффициенты рождаемости у матерей моложе 25 лет снижались, а в возрасте 25–45 лет — повышались. До определенного момента эти изменения слабо сказывались на интегральном показателе итоговой рождаемости условных поколений, поскольку рост рождаемости в старших возрастных группах соответствовал снижению в младших.

Таблица 2.11. **Возрастная (на 1000 женщин данного возраста) и итоговая (суммарная) рождаемость, Москва, 1969–2002 гг.**

Годы	Возраст женщин, лет							Итоговая рождаемость (на 1 женщину)
	15–19*	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49**	
1969–1970	22,5	110,4	83,1	50,8	18,1	3,1	0,4	1,44
1978–1979	31,0	117,4	86,2	46,7	15,2	3,2	0,2	1,50
1989–1990	32,9	117,4	83,8	45,5	17,5	3,3	0,1	1,50
1993	25,6	85,7	56,6	27,3	10,8	2,1	0,1	1,04
2002	17,9	86,9	91,5	54,5	19,6	3,3	0,2	1,37

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

Примечание. Подробный ряд за 1990-е гг. для Москвы см.: Население России 2001. С. 44.

Сейчас уровень рождаемости в Москве (1,37 ребенка на одну женщину в 2002 г.) даже несколько превышает средний уровень по стране⁵. Если рост рождаемости в старших возрастных группах будет продолжаться, Москва имеет все шансы вернуться к уровню рождаемости, характерному для этого города в 1970–1980-х гг. (1,4–1,5 ребенка на одну женщину), но на принципиально иной возрастной основе. Уже сегодня Москва имеет иную возрастную модель рождаемости и по сравнению с прошлым, советским периодом, и по сравнению с той, которую демонстрирует сегодня страна в целом.

Не дает ли пример Москвы оснований для прогноза рождаемости по России в целом? Это не исключено, ибо опыт показывает, что лидером исторического изменения массового демографического поведения всегда выступало городское население, прежде всего население крупных и столичных городов.

2.6. Оптимистические ожидания для поколений женщин, родившихся в начале 1980-х, — 160 детей на 100 женщин

Как свидетельствуют регулярные репрезентативные опросы, двухдетная модель семьи по-прежнему сохраняется в качестве идеала и желательной целевой доминанты для подавляющего большинства населения развитых

⁵ После получения окончательных данных Всероссийской переписи населения 2002 г. о численности и возрастном распределении населения демографические показатели по г. Москве будут, видимо, пересматриваться. Однако новые оценки рождаемости если и скажутся на общем уровне рождаемости, то едва ли будут способны поставить под сомнение тенденцию изменения ее возрастного профиля.

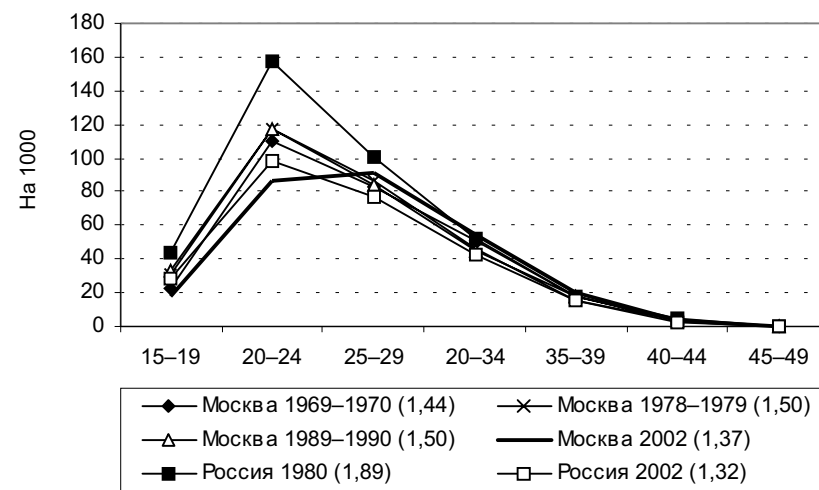

Рис. 2.7. **Возрастные коэффициенты рождаемости в Москве в 1969–1970, 1978–1979, 1989–1990, 2002 гг. и в России в 1980 и 2002 гг., на 1000 женщин (в скобках — коэффициент суммарной рождаемости)**

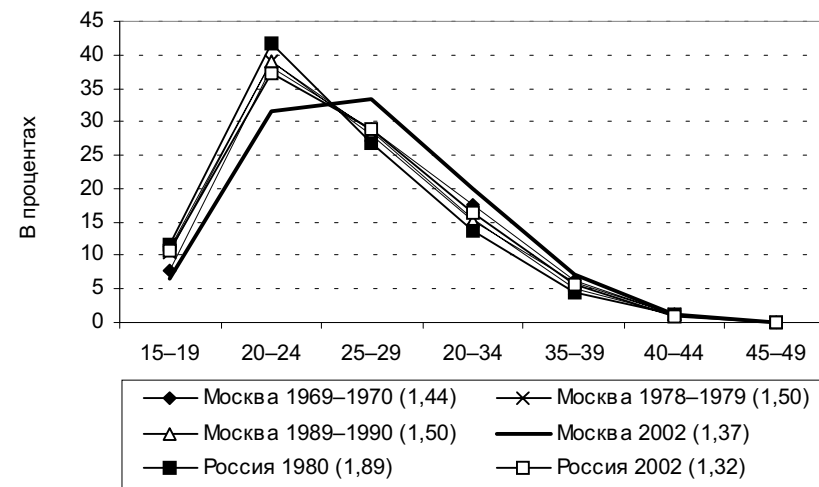

Рис. 2.8. **Относительный вклад возрастных групп в итоговую (суммарную) рождаемость в Москве в 1969–1970, 1978–1979, 1989–1990, 2002 гг. и в России в 1980 и 2002 гг., % (в скобках — коэффициент суммарной рождаемости)**

стран, в том числе и России⁶. Эта массовая социальная норма будет препятствовать дальнейшему снижению рождаемости, по крайней мере, в обозримом будущем, охватывающем репродуктивный период ныне живущих поколений. Показатели, достигнутые во второй половине 1990-х гг. — 1,2 ребенка на одну женщину условного поколения, — вероятнее всего, останутся надолго минимальной планкой для России. Увеличение рождаемости, происходящее в последние годы, еще больше повышает уверенность в этом. Поэтому, на наш взгляд, преждевременно выдвигать предположение о переходе населения России к модели однодетной семьи. Эмпирическими доказательствами для такого утверждения исследователи пока не располагают, как, впрочем, нет и уверенности в том, что двухдетная модель семьи устоит и сможет адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям, базируясь на новой возрастной модели.

Дальнейшее поведение показателей итоговой рождаемости реальных поколений не только в России, но во всех развитых странах будет зависеть от того, в какой мере рост показателей рождаемости у матерей старше 30 лет сможет компенсировать падение показателей, наблюдавшееся у молодых матерей, и как велика будет доля женщин, так и не решившихся в течение своей жизни на рождение даже единственного ребенка⁷. Ответить на оба эти вопроса не просто, поскольку не очевидны многие моменты, и в частности: а) в какой мере «откладывание» рождений на поздний срок означает «откладывание» рождений навсегда; б) до каких возрастных пределов будет происходить откладывание рождений, и, соответственно, какие социально-экономические факторы будут ответственны за продолжение или торможение этой тенденции; в) в какой мере «пожилое» материнство окажется социально приемлемым после того, как станет более очевидным

⁶ The Future of Europe's Population. A scenario approach. Ed. R. Cliquet. Strasbourg. Council of Europe, 1992. P. 30–32; *Bongaarts J.* Fertility Decline in the Developed World: Where Will It End? // American Economics Association Papers and Proceedings. Vol. 89(2). 1999. P. 256–260; *Борисов В. А.* Желанное число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 1997. № 2. С. 29–64; *Бодрова В. В.* Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 4. С. 35–36; *Бодрова В. В.* Сколько детей хотят россияне? // Демоскоп-Weekly. № 81–82 (www.demoscope.ru/weekly/2002/081).

⁷ Текущая оценка доли никогда не рожавших женщин для поколений, близких сегодня к завершению своей репродуктивной биографии, доходит в некоторых странах Западной Европы до 15–20%. По нашей оценке, для России ожидаемый уровень окончательной бездетности для поколений 1970-х гг. рождения — 10–15%.

баланс положительных и отрицательных последствий изменения модели формирования семьи (в том числе и биологических, связанных с регулированием плодовитости, здоровьем женщин и детей).

Статистический анализ рождаемости по реальным поколениям в развитых странах показывает, что при реалистических предположениях о будущем росте рождаемости у матерей в возрасте старше 30 лет только в нескольких странах (в Бельгии, Дании, Нидерландах, Франции, США) итоговая рождаемость поколений 1970-х гг. рождения, достигших к сегодняшнему дню своего тридцатилетия, имеет шансы сохраниться на том же уровне, что у когорт, родившихся десятилетием раньше. Если в отношении Ирландии, Франции, США, Австралии и Новой Зеландии вопрос о том, будет ли ожидаемый уровень итоговой рождаемости женщин, находящихся сегодня в репродуктивных возрастах, обеспечивать простое замещение родительских когорт, может еще обсуждаться, то для всех остальных развитых стран с высокой вероятностью можно ожидать, что в них будет сохраняться суженное воспроизводство населения.

Перспективы изменения итоговой рождаемости у женских поколений в России представлены в таблице 2.12. Пессимистическая оценка, основанная на текущей повозрастной рождаемости, свидетельствует о возможности сохранения тенденции к снижению рождаемости в поколениях 1970-х — первой половины 1980-х гг. рождения (падение может составить 0,3–0,6 ребенка в расчете на одну женщину по сравнению с фактическим уровнем, имевшимся у поколений 1960–1961 гг. рождения). Если сохранится

Таблица 2.12. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1960–1981 гг. рождения

Годы рождения	Возраст в 2002 г.	Фактически рождено детей в среднем на одну женщину к 2003 г.	Итоговая рождаемость при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2002 г.		Итоговая рождаемость поколений при сохранении тенденции изменения возрастных коэффициентов рождаемости в 1999–2002 гг.	
			Детей в расчете на одну женщину	Дефицит по сравнению с когортой 1960–1961 гг.	Детей в расчете на одну женщину	Дефицит по сравнению с когортой 1960–1961 гг.
1960–1961	41	1,81	1,81	—	1,81	—
1965–1966	36	1,60	1,65	–0,16	1,66	–0,15
1970–1971	31	1,35	1,55	–0,26	1,58	–0,23
1975–1976	26	0,91	1,42	–0,39	1,54	–0,27
1980–1981	21	0,34	1,32	–0,49	1,60	–0,21

Источник: Расчеты С. В. Захарова, основанные на текущем учете рождений, включая данные за 2002 г.

тенденция увеличения рождаемости в старших возрастных группах темпами, наблюдавшимися в последние три года, то, хотя рождаемость все равно снизится, потери уже составят только 0,2–0,3 ребенка и можно ожидать стабилизации итоговой рождаемости на уровне 1,5–1,6 ребенка в расчете на одну женщину, а затем и некоторого ее роста. Более оптимистичный сценарий развития ситуации в России сейчас предложить едва ли возможно — поколения женщин, находящихся в репродуктивных возрастах, вряд ли имеют шанс повторить уровень итоговой рождаемости своих матерей⁸. В то же время есть основания полагать, что рождаемость реальных поколений в России будет не слишком отличаться от среднеевропейского уровня.

2.7. Внебрачная рождаемость увеличивается быстрее, чем брачная

В 2000–2002 гг. происходило увеличение всех категорий родившихся: и тех, кого регистрировали на основании свидетельства о браке между родителями, и тех, кого регистрировали на основании совместного заявления родителей, не имеющих свидетельства о браке, и тех, кого регистрировали на основании заявления одной матери (табл. 2.13).

Брачная рождаемость в 2001 и 2002 гг. повысилась впервые с середины 1980-х гг., и по сравнению с минимумом, достигнутым в 1999 г., ежегодное число рождений в браке выросло на 12,6%. Общее число рождений вне зарегистрированного брака повысилось за тот же срок более значительно — на 21,3%, сохраняя тренд изменений, существующий с 1994 г. В результате доля внебрачных рождений продолжает расти и уже достигла в 2002 г. почти 30% от общего числа родившихся (табл. 2.13). У городского населения доля внебрачных рождений составила в том же году 28,4%, у сельского — 32%.

В то же время однозначно интерпретировать абсолютный и относительный рост внебрачных рождений как рост рождаемости у одиноких матерей мешает одно важное обстоятельство: число рождений, зарегистрированных на основании заявления обоих родителей, увеличивается еще быстрее, чем общее число родившихся вне зарегистрированного брака. По

⁸ Мы представляем здесь самые осторожные из наших оценок ожидаемого изменения итоговой рождаемости поколений в России. Как показывает опыт западных стран, если общество не имело исторического опыта (социальных норм) позднего брака и позднего начала деторождения, то, как правило, в ходе «второго демографического перехода» оказывается замедленным и рост рождаемости в старших возрастах, компенсирующий его падение в молодых возрастах.

Таблица 2.13. Число родившихся в браке и вне брака, Россия, 1988–2002 гг., тыс.

Год	Всего	В том числе родившиеся		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании		Доля зарегистрированных по совместному заявлению, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери	
1988	2348,5	2044,1	304,4	13,0	127,1	177,3	41,8
1989	2160,5	1868,8	291,7	13,5	123,6	168,1	42,4
1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	42,8
1991	1794,6	1506,7	287,9	16,0	118,5	169,4	41,2
1992	1587,6	1315,4	272,2	17,1	112,7	159,6	41,4
1993	1379,0	1128,3	250,7	18,2	108,5	142,2	43,3
1994	1408,2	1132,4	275,8	19,6	119,3	156,4	43,3
1995	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	43,1
1996	1304,6	1004,8	299,9	23,0	130,1	169,8	43,4
1997	1259,9	940,8	319,1	25,3	136,8	182,3	42,9
1998	1283,3	937,4	345,9	27,0	149,7	196,2	43,3
1999	1214,7	875,4	339,3	27,9	152,0	187,3	44,8
2000	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	47,2
2001	1311,6	934,3	377,5	28,8	179,5	197,8	47,6
2002	1397,0	985,5	411,5	29,5	195,4	216,1	47,5

сравнению с 1999 г. эта категория родившихся увеличилась на 28,6%. Доля внебрачных новорожденных детей, признанных отцами своими (что на практике чаще всего происходит с полного согласия матери ребенка), достигла в 2001–2002 гг. 47,5%. В городском населении доля рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, в общем числе внебрачных рождений увеличивалась непрерывно по крайней мере с конца 1980-х гг. В 1980 г. эта доля составляла 36,6%, а в 2002 г. — 49,5%. Не есть ли это свидетельство достаточно прочных отношений, связывающих между собой родителей, по каким-либо причинам не регистрирующих эти отношения как брачные?

К сожалению, мы очень мало знаем о взаимоотношениях между партнерами как в период, предшествующий беременности и родам, так и в момент появления на свет ребенка, определяемого системой регистрации как «внебрачного». Уже только фиксация факта совместного проживания родителей или наличия фактических брачных отношений в момент регистрации этого ребенка могла бы приоткрыть завесу сколь масштабных, столь и загадочных процессов. Однако такого рода сведениями не располагает ни регулярная демографическая статистика, ни социология (обследования данного феномена редки, не репрезентативны для страны и т. п.).

Рост внебрачной рождаемости резко ускорился в 1990-е гг., в период болезненных социально-экономических преобразований. Если признавать вслед за многими комментаторами, что внебрачная рождаемость и одинокое материнство — синонимы, то трудно понять мотивацию одинокой женщины, заведомо обрекающей себя на психологические и материальные трудности в связи с рождением ребенка и, по-видимому, сталкивающейся сегодня с гораздо большими трудностями, чем ее сверстницы 20 лет назад.

Статистика последних лет заставляет задуматься над еще одним важным вопросом: почему столь интенсивно растет внебрачная рождаемость в возрастах с максимальной вероятностью вступления в брак? Двадцать лет назад рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет. Именно эти, крайние возрастные группы обеспечивали увеличение внебрачной рождаемости в 1980-х гг. В возрастах максимальной брачности (20–29 лет) рождение ребенка вне брака было достаточно редким событием. В случае наступления незапланированной добрачной и внебрачной беременности «позор» прикрывался скоропалительным браком. Сегодня же можно утверждать, что внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в равной степени — доля рождений вне зарегистрированного брака интенсивнее всего растет в возрастах максимальной брачности, достигая в возрастах от 20 до 35 лет 27–28%, что выше, чем у женщин старше 35 лет двадцать лет назад (табл. 2.14). Внебрачная рождаемость становится все более массовым феноменом и охватывает все возрасты и социальные слои, достаточно равномерно представлена во всех порядках рождения (внебрачный ребенок — далеко не всегда единственный ребенок)⁹.

Увеличение доли внебрачных рождений у самых молодых — до 20 лет — матерей с 20,2% в 1990 г. до 44,7% в 2002 г. не сопровождается ростом числа аборт (см. следующий раздел). Напротив, интенсивность искусственных абортов в этой возрастной группе упала в два раза. Косвенно это свидетельствует о том, что число незапланированных, добрачных беременностей от случайных связей существенным образом не увеличилось, хотя имеются социологические данные, показывающие, что сексуальная активность у подростков за последнее десятилетие выросла.

Обобщая отрывочную информацию, которую сегодня могут предложить статистика и социология¹⁰, нельзя не прийти к выводу, что в России,

⁹ См. Население России 1999. М., 2000. С. 68–69.

¹⁰ См. также обзор, представленный в книге: Население России 1999. С. 60–69.

Таблица 2.14. Доля внебрачных рождений по возрасту матери, Россия, 1980–2002 гг., %

Год	Возраст матери, лет							
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	не указан*
1980	18,7	7,9	9,4	13,5	21,5	23,8	23,1	75,2
1990	20,2	11,0	11,8	17,3	25,5	34,8	36,5	85,5
1995	27,0	17,6	18,9	22,9	30,2	36,5	35,8	93,8
1996	29,6	19,5	20,7	24,4	31,5	38,9	36,7	95,6
1997	36,1	21,9	22,0	25,0	31,5	36,4	34,8	97,1
1998	39,6	24,0	22,9	25,7	31,6	35,9	35,7	98,1
1999	41,0	25,1	24,2	26,7	31,9	37,1	33,9	95,4
2000	41,0	25,6	24,7	26,4	31,2	34,9	36,8	93,7
2001	43,1	26,7	25,1	26,7	30,5	34,9	34,0	95,8
2002	44,7	27,9	25,7	26,7	30,2	34,1	32,2	93,9

* В 2002 г. общее число детей, зарегистрированных у матерей неизвестного возраста, составило 1850, из них на основании заявления матери — 1814. Это, как правило, «дети-отказники», оставленные в роддомах, их отнесение к категории «внебрачных» — большая условность, поскольку регистрируются они по представлению государственных учреждений, а не физических лиц.

как и в других странах, на уровне массового сознания происходит смена отношения к официальному зарегистрированному браку. Традиционный брак утрачивает свои позиции обязательной, едва ли не единственной формы совместной жизни. Незапланированная или случайная беременность уже не является должным основанием для немедленной регистрации брака, партнерство до брака может и не нести черты подготовки к «законному» браку, фактически сложившиеся брачные отношения совсем не обязательно должны закрепляться узлами «священного» брака, повторный брак может регистрироваться или нет и т. п. Снижение показателей брачности, особенно между очень молодыми партнерами, произошедшее в России за последние 10–15 лет, это подтверждает. Двукратный рост доли внебрачных рождений в возрастной группе женщин до 20 лет, скорее всего, говорит лишь о снижении распространенности браков «вдогонку», стимулированных случайной беременностью. Если происходит повышение распространенности фактических браков без регистрации среди молодежи 20–30 лет, если повторные браки среди разведенных менее охотно регистрируются, то стоит ли удивляться, что растет и внебрачная рождаемость?

Тенденция к росту внебрачной рождаемости отмечается во всех развитых странах без исключения. Правда, исходный и достигнутый уровни сегодня существенно различаются по странам. Как по уровню внебрачной рождаемости, так и по темпам его изменения Россия занимает срединное

положение в ряду экономически развитых стран. Примерно такой же уровень отмечается в Австралии, США, Канаде, Австрии, Ирландии, Венгрии, Румынии. Существенно ниже, чем в России (в два раза и более), показатели в Бельгии, западных землях Германии, в Греции, Италии, Испании, Швейцарии, Польше, Хорватии, Боснии, Македонии, Японии. Выше, чем в России (на уровне 40% и выше среди всех родившихся), внебрачная рождаемость во Франции, Великобритании, Дании, Финляндии, Норвегии, восточных землях Германии, в Новой Зеландии, Латвии, Эстонии, Швеции (в последних трех странах показатель превышает половину от всех родившихся).

2.8. Подавляющее большинство россиян регулируют деторождение

Низкая рождаемость в России, как и везде, означает, что подавляющее число женщин и супружеских пар прибегают к тем или иным способам регулирования деторождения. Главный вопрос заключается в том, используют ли они при этом различные методы планирования семьи, позволяющие предотвратить зачатие, или, не зная этих методов или не желая ими пользоваться, они оказываются вынужденными прерывать нежеланную беременность. К сожалению, в России все еще широко распространен второй вариант поведения, очень велико число аборт, хотя в последнее время статистика отмечает неуклонное сокращение их числа.

2.8.1. Роль аборта постепенно падает

Более десяти лет в России происходит устойчивое снижение уровня искусственных абортов (табл. 2.15, рис. 2.9). В 2002 г. было зарегистрировано 1944,5 тыс. абортов, или около 50 на тысячу женщин репродуктивного возраста. Министерство здравоохранения РФ публикует несколько иные, чем Госкомстат, данные, так как учитывает только аборты, произведенные в подведомственных ему учреждениях. Разница между числом абортов в системе Минздрава и числом абортов, публикуемым Госкомстатом (и включающим также аборты в лечебных учреждениях других министерств и ведомств и в негосударственных лечебных учреждениях), составляет 6–9% (табл. 2.15).

Учитывая развитие частной медицинской практики, можно предположить, что не все аборты регистрируются официальной статистикой, но, на наш взгляд, этот недоучет невелик, по крайней мере, он не больше, чем во многих других странах. Сравнение результатов трех выборочных опросов женщин, проведенных в 1988–1989, 1996 и 2000 гг. в разных регионах России, с данными официальной статистики показывает, что расхождение между зарегистрированными показателями абортов и показателями, полу-

Таблица 2.15. Число абортов в России, 1992–2002 гг., тыс.
По данным Госкомстата и Минздрава РФ

Год	Госкомстат		Минздрав	
	Всего абортов	В т. ч. мини-аборты	Всего абортов	В т. ч. мини-аборты
1992	3436,7	886,0	3265,7	856,9
1993	3244,0	857,8	2977,9	797,3
1994	3060,2	793,6	2808,1	733,8
1995	2766,4	695,2	2574,8	653,6
1996	2652,0	645,8	2469,2	601,3
1997	2498,7	605,2	2320,9	563,8
1998	2346,1	582,5	2210,2	538,8
1999	2181,2	561,7	2059,7	518,7
2000	2138,8	542,1	1961,5	493,9
2001	2014,7	511,2	1857,0	458,9
2002	1944,5	483,1	1782,3	432,4

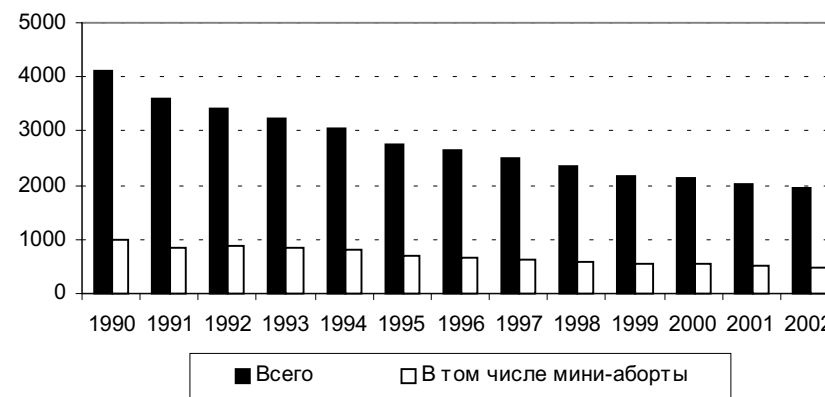

Рис. 2.9. Число абортов и мини-абортов в России, 1990–2002 гг., тыс.
По данным Госкомстата РФ

ченными в ходе опросов (и относящимися к двухлетнему периоду перед опросом), очень малы¹¹.

При международных сопоставлениях следует помнить, что статистика абортов в России включает часть самопроизвольных абортов, которые начались спонтанно вне стен медицинского учреждения, а это повышает

¹¹ Philipov D., Andreev E., Kharkova T., Shkolnikov V. Recent Trends in Induced Abortions in Russia and Under-Reporting in Surveys // European Journal of Population. 2003. Forthcoming.

российские показатели относительно других стран. Вообще к межгосударственным сравнениям по уровню абортaв надо подходить с осторожностью, поскольку система учета абортaв в разных странах не одинакова. В некоторых странах в отличие от России в официальную статистику попадают только определенные категории абортaв (например, только легальные или только оплачиваемые из правительственных страховых фондов) и не включаются мини-абортaв или медикаментозные абортaв¹².

На 100 рождений в 2002 г. приходилось 139 абортaв (табл. 2.16). Таким образом, почти три из пяти беременностей в России заканчиваются абортaв. При этом число абортaв превышает число родов во всех пятилетних возрастных группах женщин, за исключением 20–24-летнего возрастного интервала, где в 2001 г. впервые число родов превысило число абортaв, или, если сделать поправку на недоучет, числа абортaв и родов примерно равны.

Общее число прерванных беременностей в стране сокращается вследствие снижения интенсивности абортaв во всех возрастных группах (табл. 2.17). Возрастная структура населения, наоборот, способствует росту числа абортaв, так как увеличивается численность женщин в активных возрастах — от 15 до 29 лет. Если бы возрастные коэффициенты абортaв

Таблица 2.16. Официально зарегистрированные абортaв, Россия, 1995–2002 гг.

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002*
Всего абортaв, тыс.	2766,4	2652,0	2498,7	2346,1	2181,2	2138,8	2014,7	1944,5
на 1000 женщин								
в возрасте 15–49 лет	72,6	69,3	65,0	60,6	56,2	55,0	51,8	49,6
на 100 живорождений	202,6	203,0	198,3	182,6	179,4	168,7	153,6	139,2
В т. ч. мини-абортaв, тыс.	695,2	645,8	606,9	582,5	561,7	542,1	511,2	483,1
на 1000 женщин								
в возрасте 15–49 лет	18,0	16,9	15,7	15,1	14,5	13,9	13,1	12,3
Удельный вес								
мини-абортaв, %	25,1	24,4	24,2	24,8	25,8	25,3	25,4	24,8
Доля абортaв среди								
беременностей**	67,0	67,0	66,5	64,6	64,2	62,8	60,6	58,2
Абортaв у перво-								
беременных***, тыс.	177,7	183,3	179,0	172,4	160,7	161,1	161,6	161,0
на 1000 женщин 15–49 лет	4,7	4,8	4,6	4,4	4,1	4,1	4,1	4,1

* Относительные показатели за 2002 г. рассчитаны автором.

** Беременности = абортaв + живорождения.

*** По учреждениям системы Минздрава России. Без мини-абортaв.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 246.

¹² Henshaw S. K., Singh S., Haas T. The Incidence of Abortion Worldwide // International Family Planning Perspectives, 25 (Supplement). 1999. P. 30–38.

не менялись с 1996 г., то при реальной возрастной структуре женщин общее число абортaв после 1997 г. возрастало бы.

Суммарный коэффициент абортaв — показатель, не зависящий от возрастного состава женщин, — опустился с 3,4 абортaв в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 1,8 абортaв в 2002 г. При нынешней интенсивности производства абортaв одна российская женщина к концу репродуктивного периода сделает в среднем около 2 абортaв.

Половина учтенных абортaв приходится на возрастной интервал 20–30 лет, еще примерно по 20% — на возраст 30–34 года и старше 35 лет, оставшиеся 10% — на самый молодой возраст — до 20 лет. Как показал опрос в рамках проекта «Мать и дитя», средний возраст женщины, делающей аборт, равен 27–29 годам¹³, что соответствует и нашим расчетам: средний возраст женщины, производившей аборт в учреждениях Минздрава в 1996 г., составил 28 лет, в последующие три года этот показатель повышался, а затем стабилизировался на уровне 28,4 года.

Таблица 2.17. Официально зарегистрированные абортaв по возрастным группам, Россия, 1992–2002 гг.

Год	Число абортaв на 1000 женщин в возрасте, лет:				Суммарный коэффициент абортaв*
	15–19	20–34	35 и старше	15–49	
1991	69	153	51	100	3,4
1992	67	150	44	95	3,2
1993	66	141	42	88	3,1
1994	64	133	39	82	2,9
1995	56	123	33	73	2,6
1996	51	122	30	69	2,5
1997	47	115	29	65	2,4
1998	43	108	27	61	2,2
1999	38	101	25	56	2,1
2000	37	100	24	55	2,0
2001	35	93	22	52	1,9
2002	33	90	21	50	1,8

* Среднее число искусственных абортaв, приходящееся на одну женщину за весь репродуктивный период при сохранении возрастной интенсивности производства абортaв в расчетном году. Оценка, выполненная С. Захаровым и В. Сакевич на основе данных Госкомстата.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2002. С. 246. Показатели за 2002 г. рассчитаны В. Сакевич на основе данных Госкомстата.

¹³ David P. H. et al. Household Survey 2000. Women and Infant Health Project. Report of Main Findings. USAID, John Snow Inc. Dec. 2000. P. 34.

По данным выборочных опросов, большинство женщин (порядка 70%), обращающихся в медицинское учреждение по поводу аборта, состоят в браке и имеют детей. Аборты (включая мини-аборты) у беременных впервые составили в 2002 г., по данным МЗ РФ, 11% от общего числа абортов.

Основами законодательства РФ об охране здоровья граждан (статья 36) определено, что искусственное прерывание беременности может проводиться по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, при наличии социальных показаний — при сроке до 22 недель и на любом сроке беременности, если имеются медицинские показания. Фактически более 90% искусственных абортов производится в сроки беременности до 12 недель, около 7% абортов — в сроки от 12 до 22 недель и около 2% — в сроки после 22 недель. Только в возрастах моложе 20 лет доля поздних абортов немного выше: 9% — в сроки 12–22 недели и 3% — после 22 недель (рис. 2.10).

Распределение абортов, учтенных в системе Минздрава России согласно форме статистического учета, представлено в таблице 2.18. Основную часть абортов (около 60%) составляют легальные, то есть больничные аборты по просьбе женщины при сроке беременности до 12 недель. Именно за счет этих абортов происходит быстрое сокращение общего числа

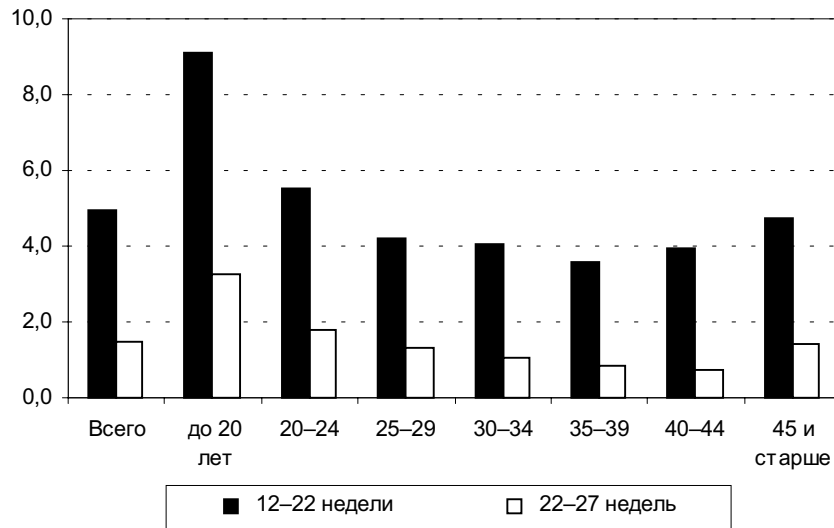

Рис. 2.10. Доля абортов на поздних сроках беременности в различных возрастных группах женщин, Россия, 2001 г., %. По данным Минздрава РФ

Таблица 2.18. Распределение абортов по классификации Минздрава РФ, 1992–2001 гг., % от общего числа абортов

Виды абортов	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Самопроизвольные	6,3	6,5	6,9	7,2	7,3	7,5	7,8	8,3	8,9	9,0
Искусственные легальные	61,5	60,4	60,7	60,6	60,8	60,0	59,2	57,7	57,1	57,4
По медицинским показаниям	1,4	1,4	1,5	1,7	1,9	2,0	2,2	2,1	2,2	2,2
Криминальные	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
Неуточненные	3,5	3,4	3,4	3,7	3,9	4,1	4,2	4,2	4,3	4,4
По социальным показаниям	0,8	1,2	1,1	1,2	1,5	1,9	2,0	2,3	2,2	2,2
Мини-аборты	26,2	26,8	26,1	25,4	24,4	24,3	24,4	25,2	25,2	24,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

прерываний беременности. В расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста число легальных искусственных абортов за период 1992–2001 гг. снизилось более чем в два раза: с 56 до 27. Тенденция к снижению прослеживалась и в случае других видов абортов, за исключением абортов по социальным показаниям. Последнее отчасти связано с тем, что в 1996 г. был утвержден новый перечень социальных показаний для прерывания беременности¹⁴, более широкий, чем действовал до этого¹⁵. Более широкая трактовка социальных показаний для аборта имела одной из основных целей ликвидировать внебольничные, криминальные аборты в условиях сложной социально-экономической ситуации. С 1996 г. основаниями для прерывания беременности до 22 недель могли стать условия, когда женщина не состоит в браке, когда кто-либо из супругов является безработным, при отсутствии жилья, при доходе на члена семьи менее прожиточного минимума и некоторые другие.

И действительно, число криминальных абортов существенно снизилось: с 10 157 случаев в 1992 г. до 2440 в 2001 г., или в 4 раза, а среди подростков — в 6 раз. За этот же период материнская смертность по причине внебольничного аборта уменьшилась с 173 до 84 случаев, или в 2 раза.

В августе 2003 г. Правительство Российской Федерации (постановление № 485 от 11.08.2003) приняло решение резко сократить перечень социальных показаний для производства искусственного аборта — с 13 пунктов до четырех: наличие решения суда о лишении или об ограничении родительских прав, беременность в результате изнасилования, пребывание

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 567.

¹⁵ Приказ МЗ СССР № 1324, 1987 г.

женщины в местах лишения свободы и наличие инвалидности I–II группы у мужа или смерть мужа во время беременности.

Доля аборт по социальным показаниям крайне невелика — порядка 2%, лишь среди самых молодых женщин — 15–19 лет — эта доля выше — 5,5%. Поэтому принятое решение не может серьезным образом повлиять на ситуацию с абортами в стране.

Территориальные различия по уровню абортов с точки зрения статистики не очень велики (коэффициент вариации составил 22% в 2000 г.), но они больше, чем по уровню рождаемости. В целом прослеживается увеличение показателей абортов с запада на восток (рис. 2.11). Число зарегистрированных абортов на тысячу женщин репродуктивного возраста колеблется от 41 в Южном федеральном округе и 44 в Центральном до 65 в Дальневосточном¹⁶. Самые высокие показатели (более 70 на 1000 женщин) отмечаются в Оренбургской области, Удмуртии, Амурской области, Хабаровском крае, Еврейской АО.

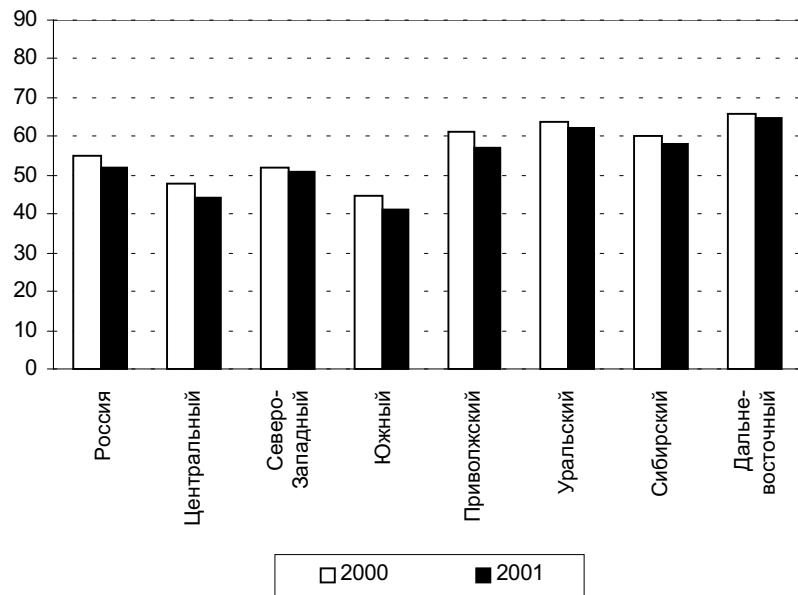

Рис. 2.11. Число абортов в России и федеральных округах, 2000 и 2001 гг., на 1000 женщин репродуктивного возраста. По данным Госкомстата РФ

¹⁶ Регионы России: Статистический сборник. М., 2003. Т. 2.

2.8.2. О контрацептивном поведении россиян по-прежнему известно недостаточно

Несмотря на то что рождаемость в России — контролируемая и низкая, глубокие, репрезентативные на национальном уровне исследования о способах контроля рождаемости в стране не проводились. Национальных данных о применяемых методах контрацепции в России, как и раньше, не существует.

Министерство здравоохранения ведет сбор сведений о числе женщин, имеющих внутриматочные спирали (ВМС) и использующих гормональную контрацепцию (ГК) и состоящих при этом под наблюдением у врача (табл. 2.19). Эти данные неполные, особенно в отношении гормональных средств, которые отпускаются в аптеках без рецепта. Кроме того, отсутствует информация о длительности использования этих средств контрацепции.

Таблица 2.19. Доля женщин, использующих методы контрацепции, в возрасте 15–49 лет, 1991–2001 гг., %. По данным Минздрава РФ на конец года

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Внутриматочные спирали	18,2	19,1	19,4	19,4	18,9	18,5	17,8	17,1	16,5	16,2	15,6
Гормональная контрацепция	2,1	3,0	3,0	3,6	4,6	5,9	6,8	7,1	7,2	7,2	7,8
Введено ВМС (на 100 женщин)	4,2	4,1	3,5	3,2	2,6	2,9	2,2	2,0	1,9	1,8	1,6
Число операций стерилизации (тыс.)	7,3	9,7	11,0	13,8	15,1	16,2	17,3	19,9	19,4	18,5	17,9

Согласно данным Минздрава России на конец 2001 г. 15,6% всех женщин репродуктивного возраста пользовались внутриматочными средствами и 7,8% — гормональными противозачаточными средствами. Число женщин, использующих ВМС, с середины 1990-х гг. снижалось, а число тех, кто прибегал к гормональной контрацепции, неуклонно возрастало. Стерилизация с целью контрацепции используется в России редко.

Выборочные обследования населения в отдельных регионах, затрагивающие вопросы планирования семьи, показывают высокую распространенность методов контроля рождаемости. Большинство женщин, имеющих супруга или постоянного партнера и не применяющих контрацепции, объясняют это такими причинами, как отсутствие сексуальной жизни, нарушение фертильности, наличие беременности либо желание забеременеть, кормление грудью и т. п.

Результаты опросов, касающихся уровня использования контрацепции, плохо соотносятся с высоким уровнем незапланированных беременностей и их последствий — аборт. Отчасти это можно объяснить структурой методов предохранения от беременности (большой долей малоэффективных методов), а также возможным преувеличением применения контрацепции при опросах либо неправильным ее применением. Например, по данным опроса в рамках проекта «Мать и дитя», 70% женщин, пришедших прервать нежелательную беременность, пользовались, по их словам, методами контрацепции, в том числе 12% пользовались эффективными методами (гормональными и ВМС) и 51% — барьерными методами¹⁷, это существенно выше среднемировых показателей провалов указанных методов.

Судя по выборочным исследованиям, в структуре контрацепции на первом месте по частоте использования стоят ВМС (30–40%), на втором месте — традиционные методы (в основном календарный метод и прерванный половой акт), на третьем — презерватив. Противозачаточные таблетки принимает примерно десятая часть женщин, использующих контрацепцию, в отличие от многих развитых стран, где этот метод по распространенности стоит либо на первом, либо на втором месте.

2.9. Нынешний режим воспроизводства обеспечивает замещение родительских поколений детьми всего на 62%

Текущий уровень рождаемости с учетом смертности уже давно (с середины 1960-х гг.) не обеспечивал расширенного воспроизводства населения, о чем свидетельствует величина нетто-коэффициента воспроизводства, меньшая единицы (табл. 2.20). Нетто-коэффициент был бы равен единице, если хотя бы одна девочка приходила на смену своей матери с учетом дожития до возраста, в котором ее родила мать. Как видно из рисунка 2.12, это условие для всего населения выполнялось в первые два послевоенных десятилетия, а после этого — только в 1987–1988 гг. Этот нарушивший общую тенденцию к снижению коэффициента воспроизводства кратковременный всплеск был обусловлен неустойчивым эффектом введения в действие ряда мер государственной семейной политики в начале 1980-х гг. В ответ на введенные меры многие семьи произвели на свет свое потомство с опережением прежнего графика, что и вызвало искусственный подъем конъюнктурных показателей рождаемости (показателей для условных поколений) и, в свою очередь, нетто-коэффициента воспроиз-

¹⁷ David P. H. Facility Survey 2000. Women and Infant Health Project. Report of Main Findings. USAID, John Snow Inc. 2001. Jan. P. 24.

водства населения, величина которого, так же как и коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений, сильно зависит от подобных календарных эффектов. Долговременных последствий, в смысле изменения характера режима воспроизводства населения, этот небольшой «бэби-бум» не имел, и тенденция к снижению темпов замещения поколений быстро восстановилась.

Таблица 2.20. Нетто-коэффициент воспроизводства населения, Россия, 1958–2002 гг.

Годы	Население		
	все	городское	сельское
1958–1959	1,186	0,944	1,506
1964–1965	0,971	0,790	1,351
1968–1969	0,961	0,807	1,319
1974–1975	0,932	0,818	1,307
1978–1979	0,882	0,792	1,177
1984–1985	0,964	0,855	1,387
1987	1,050	0,937	1,495
1988	1,005	0,896	1,432
1989	0,953	0,866	1,267
1990	0,895	0,804	1,226
1991	0,821	0,726	1,160
1992	0,735	0,641	1,049
1993	0,651	0,570	0,921
1994	0,659	0,587	0,900
1995	0,633	0,569	0,846
1996	0,603	0,544	0,797
1997	0,579	0,525	0,756
1998	0,585	0,533	0,750
1999	0,551	0,503	0,702
2000	0,571	0,529	0,704
2001	0,588	0,552	0,700
2002	0,623	0,590	0,721

Поддержание режима расширенного воспроизводства в 1950-е гг., как и кратковременный выход на показатели нетто-коэффициента чуть выше единицы в середине 1980-х, было обеспечено исключительно более высокой рождаемостью в сельской местности. Городское же население, по-видимому, себя не воспроизводит еще с довоенных времен. Массовое переселение сельских жителей в города в 1960–1970-х гг. и распространение городских норм более низкой рождаемости ускорило снижение интегральных показателей воспроизводства для страны в целом. Поскольку доля сельского населения быстро уменьшалась, то и режим воспроизводства населения всей страны во все большей степени подчинялся ситуации с рождаемостью в городах.

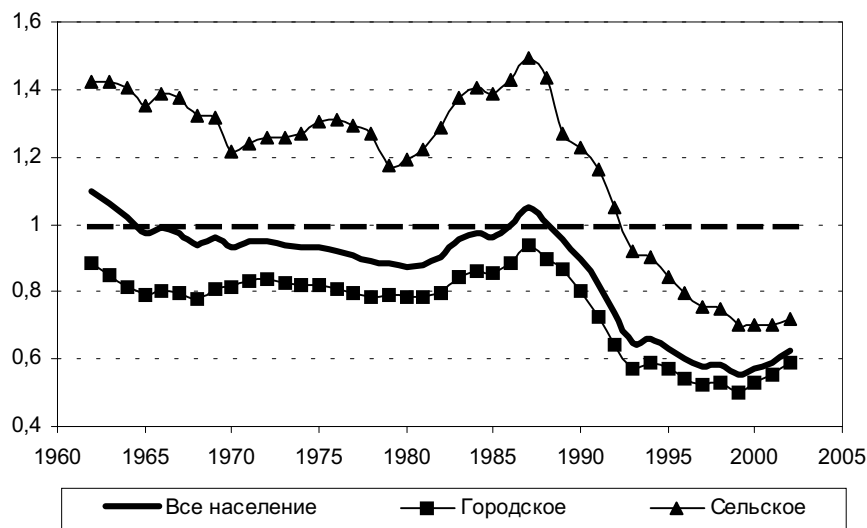

Рис. 2.12. Нетто-коэффициент воспроизводства населения, Россия, 1962–2002 гг.

В последнее десятилетие наблюдался новый этап сближения характеристик рождаемости в городской и сельской местности — на этот раз за счет более интенсивного ее снижения в сельской местности, в результате чего интегральные характеристики воспроизводства городского и сельского населения сегодня близки как никогда прежде.

Величина нетто-коэффициента воспроизводства, зафиксированная в 2002 г., свидетельствует о том, что если текущий режим рождаемости и смертности (наблюдаемый в год исчисления показателя) не будет на протяжении двух-трех десятилетий меняться, то каждое ныне живущее поколение матерей обеспечит свое замещение в дочерних поколениях лишь на 62,3% (в городах — на 59,0% и в селах — на 72,1%). Такие темпы замещения поколений соответствуют ежегодному сокращению общей численности населения на 1,8% (так называемый коэффициент естественного прироста стабильного населения).

При всех достоинствах нетто-коэффициента, который говорит о воспроизводственном процессе гораздо больше, нежели отдельные взятые показатели рождаемости и смертности, не следует забывать, что это конъюнктурный показатель, относящийся к условным поколениям и, соответственно, показывающий не реальную, а гипотетически возможную ситуацию с возобновлением поколений и темпами изменения численности

населения. Фактически речь идет о модели населения с неизменными режимами повозрастной рождаемости и смертности, которая может быть полезной для оценки и предсказания эволюции процесса возобновления поколений в стабильной или медленно меняющейся ситуации. Когда же обстановка часто и резко меняется, эффективность использования этой модели существенно снижается.

Анализ динамики воспроизводственного процесса с помощью обычного нетто-коэффициента может быть существенно дополнен и углублен при рассмотрении фактического воспроизводства реальных поколений, то есть конкретных когорт матерей по годам их рождения: среднего числа фактически рожденных за всю жизнь детей и фактического дожития девочек до среднего возраста материнства.

Когортный анализ показывает, что с учетом фактической смертности ни одно поколение россиян, рожденных после Первой мировой войны, не обеспечило себе равную по численности замену.

В таблице 2.21 представлены оценки среднего числа рожденных детей, приходящихся на одну женщину в реальных поколениях, а также дожитие этих девочек до возраста 28 лет (к этой величине тяготеет средний возраст материнства, если его оценивать как усредненный показатель за более чем столетнюю историю). Оценки коэффициента дожития представлены в двух вариантах.

Если исходить из режима смертности *материнского* поколения, для которого оценивается итоговая рождаемость, то в условиях неснижающейся детской смертности получаем нижнюю планку вероятности для девочки стать матерью (норма, задаваемая прошлым историческим опытом, опираясь на который поколение может судить, какая доля новорожденных имеет шанс стать взрослыми). При условии, что смертность детей снижается, при той же рождаемости воспроизводственный результат будет более благоприятным.

При таком подходе получаем первый вариант оценки.

Если же исходить из реально сложившегося порядка дожития *дочерних* поколений, то получаем второй вариант оценки дожития девочек до возраста 28 лет — фактически сложившийся результат воспроизводственной деятельности поколений, о котором родительские поколения в момент производства на свет потомства могут и не подозревать. Будущая судьба поколений может сильно отличаться от представлений и ожиданий родителей, дающих им жизнь.

Разница между двумя оценками коэффициента замещения поколений показывает, в какой мере воспроизводство населения выиграло или проиграло от изменения смертности за период смены поколения (примерно за

три десятилетия). Так как в период демографического перехода смертность, особенно в младших возрастах, обычно снижается, вторая оценка обычно выше первой.

Как показывают данные, приведенные в таблице 2.21, сдвиги в сторону снижения детской смертности в России были грандиозными — фактические интегральные показатели замещения материнских поколений 1910–

Таблица 2.21. Среднее число детей, в т. ч. девочек, рожденных одной женщиной, и дожитие новорожденных девочек до возраста 28 лет при различных условиях смертности, Россия, женские поколения 1841–1970 гг. рождения

Годы рождения матери	Число рожденных детей	Число рожденных девочек	Вероятность для новорожденной девочки дожить до возраста 28 лет		Число девочек, которое должно бы до 28 лет при условии смертности материнского поколения	Число девочек, фактически доживших до 28 лет
			в материнском поколении	в дочернем поколении		
1841–1845	6,84	3,33	0,425	0,435	1,42	1,45
1846–1850	6,90	3,36	0,424	0,438	1,43	1,47
1851–1855	7,08	3,44	0,423	0,443	1,46	1,53
1856–1860	7,11	3,46	0,425	0,448	1,48	1,56
1861–1865	7,12	3,46	0,426	0,455	1,48	1,58
1866–1870	7,20	3,50	0,424	0,461	1,49	1,62
1871–1875	6,96	3,39	0,431	0,467	1,46	1,59
1876–1880	6,85	3,33	0,438	0,472	1,46	1,58
1881–1885	6,20	3,02	0,457	0,480	1,38	1,45
1886–1890	5,49	2,67	0,442	0,490	1,18	1,31
1891–1895	5,50	2,68	0,426	0,504	1,14	1,35
1896–1900	5,23	2,55	0,469	0,526	1,20	1,34
1901–1905	4,59	2,23	0,471	0,556	1,05	1,24
1906–1910	3,66	1,78	0,486	0,588	0,87	1,05
1911–1915	2,82	1,37	0,492	0,641	0,68	0,88
1916–1920	2,46	1,20	0,417	0,725	0,50	0,87
1921–1925	2,25	1,10	0,504	0,835	0,55	0,92
1926–1930	2,20	1,07	0,552	0,895	0,59	0,96
1931–1935	2,15	1,05	0,538	0,930	0,57	0,98
1936–1940	2,01	0,98	0,552	0,952	0,54	0,93
1941–1945	1,91	0,93	0,668	0,958	0,62	0,89
1946–1950	1,85	0,90	0,816	0,961	0,74	0,87
1951–1955	1,89	0,92	0,878	0,962	0,81	0,89
1956–1960	1,87	0,91	0,934	0,964	0,85	0,88
1961–1965*	1,71	0,83	0,956	0,967	0,80	0,81
1966–1970*	1,56	0,76	0,960	0,970	0,73	0,74

* Предварительная оценка.

Источник: Захаров С. Демографический переход и воспроизводство поколений в России // Вопросы статистики, 2003. № 11. С. 8–9. В расчетах были использованы когортные таблицы смертности, реконструированные Е. Андреевым.

1940-х гг. рождения существенно отличаются в большую сторону от тех, которые бы наблюдались в случае, если бы смертность не снижалась (так, для женских поколений, родившихся в 1930-х гг., показатели различаются в 1,7 раза). Однако даже эти позитивные сдвиги в области смертности не смогли уберечь страну от суженного воспроизводства населения — рождаемость в России снижалась еще быстрее, чем это допускало улучшение ситуации с выживанием детей.

Для материнских когорт, родившихся в конце 1960-х гг., уровень недопроизводства составит приблизительно 25%. Если коэффициент замещения поколений будет и в дальнейшем поддерживаться на уровне 0,7–0,8, характерном для женщин, родившихся в 1960-х гг., то следует всерьез рассматривать возможность того, что в России естественная убыль населения достигнет 1% в год. И этот результат существенным образом не может изменить даже улучшение ситуации со смертностью — этот ресурс, в прошлом очень большой, сегодня практически исчерпан (напомним, что в данном случае важна не смертность вообще, а смертность женщин в возрасте до 28 лет; она уже сейчас достаточно низка). Наилучшие в мире показатели дожития девочки до среднего возраста материнства составляют сегодня 98–99%, российские показатели для реальных поколений — 97%. Даже если Россия сможет невероятными усилиями быстро устранить это отставание, то для того, чтобы выйти из состояния суженного режима воспроизводства, среднестатистической женщине потребуется родить 2,07–2,09 ребенка обоего пола вместо 2,11–2,13 при сегодняшнем уровне смертности (норма простого воспроизводства). Понятно, что даже на статистическом уровне это практически незначимая разница.

Таким образом, лишь при существенном увеличении рождаемости может измениться ситуация с воспроизводством численности населения. Напомним, что ожидаемые итоговые показатели рождаемости для поколений, которые сегодня находятся в детородном возрасте, составляют 1,5–1,6 (табл. 2.12), и дистанция до требуемых 2,1 ребенка — огромна.

Суженный режим воспроизводства населения не является специфической чертой только России. Все развитые страны столкнулись с этой проблемой, одни раньше других, другие позже. Во многих странах падение нетто-коэффициента ниже уровня простого замещения поколений наблюдалось уже в отдельные периоды 1920–1940-х гг., что было связано с откладыванием браков и рождений в годы двух мировых войн и экономической депрессии. В периоды послевоенного «бэби-бума» наблюдалась обратная картина — нетто-коэффициент временно повышался, что можно было бы трактовать как наступление эпохи расширенного воспроизводства

поколений. Однако вскоре последовало резкое снижение показателей и наступил длительный этап глобального распространения суженного режима воспроизводства.

Ни одно реальное поколение, появившееся на свет в XX в. в Бельгии, Германии, Греции, Италии, Швеции и Швейцарии, не может похвастаться расширенным воспроизводством. За исключением когорт 1930–1940-х гг. рождения, суженное воспроизводство также продемонстрировали все поколения, родившиеся после 1900 г. в Австрии, Англии и Уэльсе, Испании, Норвегии, Франции и других странах. Уровень недопроизводства варьировал по странам и отдельным когортам от нескольких процентов до 30% и более.

Дальнейшие перспективы воспроизводства населения России и других развитых стран не слишком обнадеживающи. Поскольку резервы снижения детской смертности близки к исчерпанию, а рождаемость стабилизировалась на чрезвычайно низком уровне, вероятнее всего ожидать увеличения уровня недовоспроизводства поколений и дальнейшего сокращения численности населения в России и в тех странах, где оно уже идет, а также распространения депопуляционных тенденций на подавляющее большинство развитых стран мира. Перспективы увеличения численности населения Европы, Японии, Канады почти исключительно связаны с будущей миграцией в эти страны, но она едва ли полностью сможет компенсировать потери от естественной убыли. Согласно среднему варианту прогноза ООН (2002 г.) европейское население будет сокращаться все ускоряющимися темпами от — 0,45% за первое пятилетие XXI века до 2,27% за 2045–2049 гг. и за полвека уменьшится на 96 млн человек, или на 13% по сравнению с 2000 г. В борьбе за самые высокие в мире темпы сокращения численности населения в ближайшие десятилетия будут конкурировать (в порядке понижения темпов убыли): Эстония, Грузия, Болгария, Украина, Италия, Испания, Армения, Босния и Герцеговина, Словения, Швейцария, Сан-Марино, Австрия, Россия (ожидается, что к 2050 г. ежегодные темпы сокращения численности населения этих стран могут приблизиться к 1% или быть даже выше).

3. ЗДОРОВЬЕ

3.1. Заболеваемость россиян растет по всем основным классам болезней, кроме инфекционных и паразитарных

В последние годы заболеваемость населения России растет по всем основным классам болезней, кроме инфекционных и паразитарных, а по сравнению с 1990 г. — по всем, кроме болезней органов дыхания.

Общий уровень первичной заболеваемости (всеми болезнями) в 2002 г. поднялся по сравнению с предыдущим годом на 2,9%, а по сравнению с 1990 г. — на 14,7%. В последнее десятилетие он снижался только в 1992, 1996 и 1998 гг. (рис. 3.1).

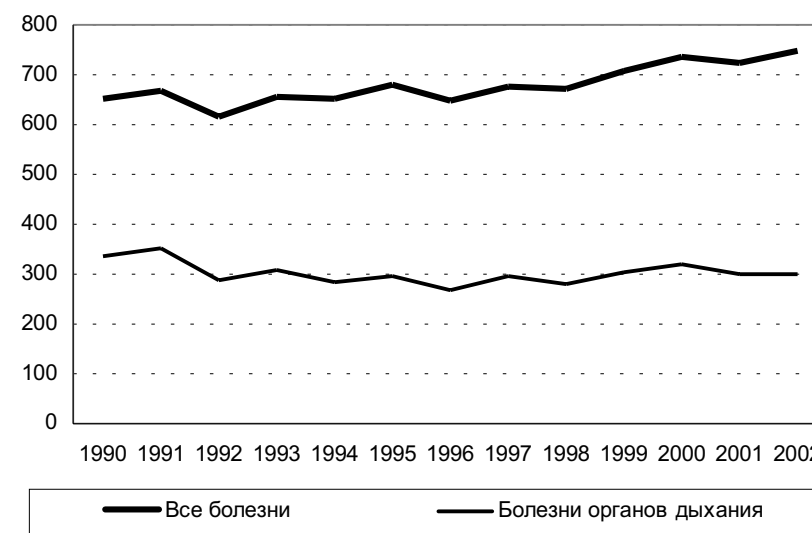

Рис. 3.1. Заболеваемость: общая и болезнями органов дыхания, зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые, на 1000 населения, Россия, 1990–2002 гг.

Если в начале 1990-х гг. более половины первичных обращений к врачам (51,6%) было связано с болезнями органов дыхания, то в 2002 г. — только 40,3%. Это было обусловлено снижением уровня заболеваемости болезнями органов дыхания при одновременном росте заболеваемости по другим классам болезней. В структуре общей заболеваемости доля болезней органов дыхания снизилась с 35,7% в 1990 г. до 28,0% в 2000.